Никитский Клуб

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 65

«Канун 14-го»

Москва 2014

Круглый стол
«Канун 14-го»

24 декабря 2013 года

Участники обсуждения:

Бондурянский Александр Зиновьевич,
проректор по учебно-методическому объединению
Московской государственной консерватории

Виногродский Бронислав Брониславович,
китаевед, переводчик

Вишневский Анатолий Григорьевич,
директор Института демографии НИУ ВШЭ

Иовлева Лидия Ивановна,
помощник директора по научной работе, Третьяковская галерея

Механик Александр Григорьевич,
обозреватель журнала «Эксперт»

Москвин-Тарханов Михаил Иванович,
председатель Комиссии Мосгордумы по перспективному развитию
и градостроительству

Петров Юрий Александрович,
директор Института российской истории РАН

Пилипец Олег Владимирович,
советник президента «Транснефть»

Полтерович Виктор Меерович,
заведующий лабораторией математической экономики ЦЭМИ РАН,
президент Новой экономической ассоциации, академик РАН

Привалов Александр Николаевич,
научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба

Разлогов Кирилл Эмильевич,
автор и ведущий программы «Культ кино», т/к «Культура»

Сатановский Евгений Янович,
президент Института Ближнего Востока

Соловьева Инна Соломоновна,
искусствовед

Тамбовцев Виталий Леонидович,
профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Черниговская Татьяна Владимировна,
профессор, член Ученого совета СПбГУ, член Совета по науке
и образованию при Президенте РФ

Чернихов Андрей Александрович,
руководитель АДМ Чернихова, первый вице-президент МААМ
(Международная академия архитектуры, Московское отделение)

Заседание вёл А. Н. Привалов, вице-президент Никитского клуба,
научный редактор журнала «Эксперт».

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Позвольте открыть завершающее наш клубный год заседание, которое носит символическое название «Канун 14-го». Для всех нас, воспитанных в советскую эпоху, 1913 год — это такой привычный набор звуков, с которым, как мы привыкли с детства, всегда всё сравнивали в пользу текущего времени. В 1913 году вообще не было ни одного телевизора — сейчас, значит, вот столько; тогда было столько-то пудов среднего умолóта, сейчас столько-то центнеров.

Теперь это вызывает скорее улыбку, потому что стало понятно, что все эти сравнения не стоили бумаги, на которой были напечатаны. А помимо этого есть совсем невесёлое соображение, что тринадцатыйй год, 1913 год, был в очень многих смыслах рубежным. Это тогда, по слову поэта, начинался не календарный, а настоящий XX век. И то, что казалось установленным если не на века, то на многие десятилетия миропорядком, в общем почти всех устраивающим,— доживало последние месяцы, с тем чтобы покатиться в пропасть, с не очень понятным до сих пор итогом.

В очень бурно растущем национальном хозяйстве Российской империи тринадцатый год стал первым после довольно долгого периода (ну, кроме провальных годов первой революции, естественно), когда не снизились темпы инвестиций, а снизились темпы роста инвестиций. Значит, начала загибаться идущая вверх линия. Стала бы она загибаться круче или не стала, мы уже не узнаем никогда, потому что начались события гораздо более существенные. Именно тогда примерно Блок писал: «*... /И отвращение от жизни, /И к ней безумная любовь, /И страсть и ненависть к отчизне... /И чёрная, земная кровь /Сулит нам, раздувая вены, / Все разрушая рубежи, /Неслыханные перемены, /Невиданные мятежи...*» [поэма «Возмездие»].

Оставляя в стороне вопрос о том, как эта страсть и ненависть к отчизне повлияли на дальнейший ход событий, нельзя не сказать, что поэт, как всегда, видел точнее любого экономиста. Ну, а кроме того, тринадцатый год сам по себе был великолепен, как и всякий год всякого великолепного времени. Это был год, когда Нильс Бор сформулировал свои квантовые постулаты. Это был год «Весны священной» [балет И. Стравинского]. Это был год первого испытания ранцевого парашюта. Это был год — извините за такую линию — «Чёрного квадрата» Малевича. Это был сложный, интересный, цветущий год, то есть начиная с него — посыпалось...

О чём мы сегодня хотели, собирались говорить? А Бог его знает! Сам по себе факт, что завершился год, являвшийся юбилейным последнему мирному году прошлого миропорядка, нам показался достаточным для того, чтобы об этом поговорить.

А. Н. Привалов

Мне очень хотелось бы верить, что 2014-й не будет таким же страшным, как был 1914-й. Но что что-то приближается — «*Блок на небе видел разводы, / Ему предвещал небосвод / Большую грозу, непогоду*» (Пастернак),— какое-то такое ощущение есть.

В экономической жизни нашей ойкумены, в политической жизни нашей ойкумены видны такие подвижки, о которых ещё несколько лет назад никто не думал, и чем они кончатся, неизвестно. Поэтому я хотел бы призвать наших сегодняшних выступающих с точек зрения, которые им кажутся интересными, по мере собственного интереса решить две задачи. Как-то не то чтобы подвести итог — это немыслимо, а сказать какие-то слова об истекшем столетии 1913–2013 и своих ощущениях в преддверии наступающего года, который в прошлый раз был роковым, но, слава тебе, Господи, никто же не сказал, что будет таковым и в этот раз!

Итак, воспоминания о столетии, ожидания от ближайших лет в меру собственного интереса, собственных научных ли, человеческих предпочтений.

У нас сегодня четверо выступающих, основных выступающих. Первым я предоставляю слово Юрию Александровичу Петрову, директору Института российской истории Академии наук. Прошу Вас!

Ю. А. Петров

Спасибо, Александр Николаевич, благодарю за честь. Только что приехал с заседания совета директоров Академии, где мы встречались с Михаилом Михайловичем Котюковым впервые [руководитель ФАНО], и поэтому философский настрой у меня ещё не вполне проявился.

Есть насущные заботы, и есть надежды на следующий год. Хотя этот, 2013 год, для российской науки отнюдь не был мирным и благостным, как тот, сто лет назад, для Российской империи.

Вместе с тем мы затрагиваем очень интересную тему — столетие, начавшееся в приснопамятном 1913 году. Это действительно некий рубеж, потому что в мировой историографии существует определённая хронология. Есть понятие «долгий XIX век» — он начался с Великой французской революции и закончился с началом Первой мировой войны. Есть понятие «короткий XX век» — он начался опять-таки с мировой войны и закончился распадом Советского Союза. Поэтому 1913 год — это определённый рубеж. Этот год [2013], к тому же ещё осенённый 400-летием нашей российской монархии, 400-летним юбилеем, который привлёк внимание нашего общества.

Я бы хотел здесь солидаризироваться с тем, что в обществе проявился вполне отчётливый тренд некоего сожаления, некоей печали об утерянном рае. Это начал Станислав Говорухин в своё время, сняв прекрасный фильм «Россия, которую мы потеряли». И наш маятник общественного сознания от советской парадигмы, что тринадцатый год — это было такое совсем плохое время, по сравнению с которым успехи Советского Союза неоспоримы,— этот маятник метнулся в другую сторону. Теперь нас всё больше пытаются убедить, что тринадцатый год — это был расцвет, это был, так сказать, взлёт Российской империи, что Россия была настолько сильна, что другие державы опасались её дальнейшего усиления, собственно, поэтому и начали против неё войну.

Я бы сказал так, что этот общественный настрой искусственно подогревается. В качестве вопиющего примера приведу выставку в Манеже, посвящённую 400-летию российской монархии [«Православная Русь. Романовы»], где прямо говорилось, что Россия на рубеже XX века достигла небывалого взлёта и лишь деятельность кучки заговорщиков и всяких иностранных наймитов вредила её дальнейшему могуществу. Не говорю уже о том, что на этой выставке прозвучали для меня чудовищные вещи о том, что декабристы действовали на иностранные деньги, что народники подпитывались

от какого-то американского фонда, что даже катастрофа в Борках, в которой едва не погиб Александр III, как мы теперь узнали, была организована террористами.

Это вопиющая неправда, которую, мне кажется, нельзя вбрасывать в общественное сознание. Означает данный тренд одно: Российскую империю хотят изобразить бесконфликтной, самодостаточной и абсолютно светлой страной с большим историческим будущим и абсолютно без всякой почвы для революции. Тогда возникает естественный для историка вопрос: как же за двенадцать лет в этой богоспасаемой стране произошли три революции, нет ли здесь противоречия? Нам говорят спокойно, что все дело в конспирологии, что дело то в финских, то в японских деньгах, то американских, то немецких, и что, мол, лишь кучка заговорщиков свернула Россию с её пути истинного.

Как человек, который занимался экономической историей и специально историей Российской империи начала XX века, могу сказать, что это очень лукавые рассуждения. Я не знаю, насколько они политизированы или актуализированы, не подводят ли они почву под современную ситуацию,— это оставляю на совести авторов этих утверждений,— но то, что они абсолютно не соответствуют исторической истине, совершенно ясно.

Россия в 1913 году была страна молодая, относительно недавно вступившая на путь модернизации, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Была действительно мощная индустрия. Сейчас не хотят вспоминать о том, что примерно на 20% она была построена на иностранные инвестиции. Государство играло значительную роль в экономической жизни, но не такую преобладающую, как пытаются нас уверить. Частный капитал — третий основной актёр на этой экономической сцене, частный российский капитал действительно играл решающую роль. И собственно, уже исследования и наших, отечественных, и зарубежных экономистов и историков показали, что царское правительство не столько было демиургом этого экономического роста, сколько получателем дохода от него через систему налогообложения, бюджета и т.д.

Страна действительно росла очень динамично, бурно, и это касалось прежде всего промышленной сферы. Есть знаменитые цифры насчёт 5–5,5% мирового промышленного производства, принадлежавшего в 1913 году России. Эти цифры действительно впечатляют, тем более что за тридцать лет до этого было 3% или даже меньше того. Темпы были набраны очень хорошие.

Повторяю, я нисколько не собираюсь принижать значение реформ ни Витте, ни Столыпина — то, что они делали, они делали, можно сказать, весьма эффективно. Но была одна, может быть, самая зияющая прореха на этом

Ю. А. Петров

блестящем фоне. Это состояние русской деревни, тех 80% населения страны, которые жили вне городов. Что это была за прореха, скажу только кратко, не буду отнимать время у вас. Есть объективные цифры — цифры рождаемости и смертности. В царской России была самая высокая рождаемость в тогдашней Европе, это, безусловно, так, поэтому население росло весьма динамично. Таких проблем, как сейчас, с демографией в те времена не было.

Деревенские женщины рожали много детей отчасти потому, что не пользовались никакими средствами отчасти оттого, что это была религиозная установка: Бог даёт детей. Ну, а может быть, самое главное, то, что ребёнок — это рабочие руки. В крестьянской семье много детей — это фактически богатство, потому что они подрастают, начинают работать — хозяйство крепнет и т.д. Но надо учитывать, что при этой высокой рождаемости была самая высокая в Европе детская смертность, и до трёх лет не доживало и половины всех родившихся младенцев.

Вот только одна цифра, и если вы над ней поразмыслите, вопрос станет очевидным: эти 80% населения ещё жили абсолютно вне сферы

здравоохранения, социального обеспечения, вне современного индустриального общества. Это была та самая серая, убогая Россия, которая никак не могла выйти на путь истинного процветания. Почему? Дело не в народе. Иногда говорят, что, может, с народом не повезло. У нас всегда правительство хорошее, а вот с народом не везёт. Нет, народ великолепный, умный и трудолюбивый, и крестьянские руки — это самый, может быть, рабочий инструмент в мире. Что такое русская страда, вам не надо говорить, какая это гигантская энергоёмкая работа, когда в течение нескольких месяцев надо было посеять, а потом собрать урожай.

Во многом, как мне кажется, здесь виновато то самое царское правительство и те самые монархи нашей страны, о которых мы сейчас говорим по большей части с благоговением. Я не возвращаюсь к советской парадигме, но говорю только в том смысле, что не надо надевать розовые очки. То, что после крестьянской реформы 1861 года, вместо того чтобы сразу или хотя бы чуть-чуть с некоторым лагом перейти к столыпинской реформе — вот была бы настоящая задача правительства! — вместо этого деревню «подморозили». Курс Победоносцева был на то, чтобы сохранить общину, ничего в ней не менять: мужик, мол, сам разберётся и выживет. Да, подморозили общину. А в 1905 году крестьяне начали жечь в массовом масштабе дворянские имения — сотни и тысячи пожаров по всей России. И сразу стало ясно, что нет больше этого мужичка-богоносца, надо что-то с ним делать.

Тогда Столыпин провёл свою, я бы сказал, очень эффективную реформу. Но главный изъян и слабость заключались в том, что она была проведена поздно: у Столыпина не оказалось тех двадцати лет, о которых он мечтал, для спокойного развития страны и её экономического роста. У него этих лет уже не было, но они были раньше, и в этом заключается важнейшая ошибка царского правительства. Эту реформу надо было проводить лет за двадцать до Столыпина, тогда мы могли бы с гораздо бóльшим основанием рассматривать Россию начала XX века как страну более или менее процветающую.

Мой геополитический, если можно так сказать, вывод заключается в том, что революция в России, конечно же, небеспочвенна. У нас впереди, вы знаете, столетний юбилей революции. Уже в определённых структурах начинают задумываться: а что мы будем отмечать, как праздновать, будем ли праздновать этот день, эти события? Но мне кажется, вполне очевидно, что от того, что события 1917 года перекроили историю России, а с ней и всего мира,— от этого факта мы никуда не уйдём. Если мы даже перестанем называть нашу революцию «Великой», как мы уже это сделали (в отличие от французов — они-то не отказались от своего названия), мы всё равно

не уйдём от того факта, что по своему масштабу это был грандиозный переворот, приведший к совершенно новой картине мира.

Как один из разработчиков концепции единого учебника по российской истории я хотел вам сказать, что мы пытались выйти из этой ситуации вот каким образом. Мы в концепции отдельный раздел назвали так: «Эпоха великих потрясений». Раздел начинается с 1914 года и кончается 1921 годом, введением НЭП и образованием Советского Союза. И действительно, это десятилетие или чуть меньше для России стало эпохой великих потрясений, о которых предупреждал Столыпин.

В результате — Первая мировая война, две революции семнадцатого года, которые мы предлагаем назвать единым обозначением, единым словом «Великая российская революция». Это, в общем-то, не мы придумали, это уже наши коллеги на Западе давно называют события 1917 года в нашей стране «Great Russian Revolution». «Великая» — здесь нет коннотации величия как особого позитива, особого положительного значения. Я знаю, что так воспринимают в некоторых кругах, что если «великая революция» — значит, уже хорошая. Нет, она великая по масштабу, именно поэтому мы её так и назвали.

Ну, а дальше — не буду сейчас отнимать время — 20–30-е годы мы предлагали назвать периодом сталинского социализма. Мне кажется, это справедливо. Хотя в разных редакциях наши формулировки пришлось несколько подтянуть под некоторый тренд, но в принципе понятие «сталинский социализм» там осталось.

Великая Отечественная война — это само по себе, конечно, эпоха, величайшее событие в советской истории. И послевоенный период мы рассматривали как период постепенного угасания модели. Эта сталинская модель, назовём её условно, на определённом этапе способствовала мобилизации ресурсов, сил страны на решении самых важных, насущных задач, таких как победа в войне. Но затем она начала сама затухать, саморазвития у неё не было, и фактически она выродилась и утратила мотивы к самообновлению, что и привело, собственно, к экономическому кризису 80-х годов и затем ко всем последующим политическим изменениям.

Вот, пожалуй, если вкратце, мои впечатления о XX веке.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Всё-таки поразительно, как люди забывают об отличиях того мира, где живём мы, и того мира, где жили наши предки. То, что Вы сказали насчёт предположения, будто господа декабристы были вражеские наймиты, свидетельствует просто о том, что люди не понимают, что это всё были боевые офицеры.

Ю. А. Петров
И аристократы, и богачи.

А. Н. Привалов
Я не хочу сказать, что им нечего поставить в вину, наверное, есть чего. Но понимать же надо, о ком речь. Я не был на той выставке, о которой говорил Юрий Александрович, я видел телерепортаж. Я был поражён абсолютно гениальной фразой, которая, судя по плакату, была некогда произнесена Александром II Освободителем. Фраза под его портретом была написана такая: «Россией управлять не сложно, но совершенно бесполезно».

А насчёт того, что не надо идеализировать тринадцатый год,— не надо, конечно. Конечно, не надо, и не надо по нему олеографические слюни размазывать. Тот же Бунин, который через несколько лет напишет истерически бранную книгу «Окаянные дни», до этого написал повесть «Деревня», где про эту самую деревню много весёлого рассказал. Всё так.

Но в тринадцатом году до слома было то, чего я не наблюдаю сейчас, что потом временами было в XX веке, как справедливо заметил Юрий Александрович. Это динамика. Была неимоверная динамика, всё было очень быстро, очень живо и гораздо сложнее, чем потом в советское время.

Следующий выступающий у нас Виктор Меерович Полтерович [президент Новой экономической ассоциации, академик РАН], который, по-видимому, затронет более экономическую часть. Я так понимаю?

В. М. Полтерович
Отчасти. В отличие от Юрия Александровича, говорившего о вещах, которые, насколько я понимаю, он много лет изучал, тема моего выступления для меня является совсем новой, я только начал её разрабатывать. Её условное наименование такое: *«Проекты нового миропорядка и экономические институты»*.

Нобелевский лауреат Джозеф Стиглитц в одной из работ ввёл различение между конфронтационным и консенсусным управлением страной. Содержание терминов самоочевидно. Они имеют смысл также и как характеристики стиля взаимодействия между государствами. Конфронтационное взаимодействие использует такие инструменты, как война, экономические и политические санкции, а консенсусное основано на заключении и исполнении взаимовыгодных договорённостей.

На протяжении почти всей человеческой истории война считалась одной из главных функций племенных и государственных образований. Нападение на соседей не требовало особых обоснований, мотивация «добыть славу» считалась достаточной. Идея отказа от войны как средства

В. М. Полтерович

обретения славы и богатства появилась лишь в Новое время и казалась революционной. Не случайно Иммануил Кант посвятил её обоснованию специальный трактат «К вечному миру» (1795). Он писал: «*Люди и государства должны рассматриваться как граждане общечеловеческого государства*». И далее: «*...Постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть*». Через полвека на ту же тему счёл необходимым высказаться родоначальник совсем иной философской школы Огюст Конт: «*Человечество — это всемирная родина, призванная объединить, по крайней мере в будущем, всех обитателей планеты*» (Письмо в Тулузу от 26 августа 1852 г.).

После двух мировых войн и появления оружия массового уничтожения проблема предотвращения силовых конфликтов стала центральной в мировой политике, пришло понимание, что для её решения требуется новый мировой порядок: «*В возникающей эре столкновение цивилизаций — это наиболее сильная угроза миру. И международный порядок, основанный на цивилизации,— наилучшая гарантия против мировой войны*». Эти слова принадлежат Сэмюэлю Хантингтону и содержатся в его знаменитой работе

«The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order» («Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка», 1996 год).

Постепенное формирование фундамента для перехода от конфронтационной к консенсусной модели взаимодействия между странами — один из самых важных процессов истекшего столетия. Речь идёт не только о силовых столкновениях. В их основе очень часто лежат экономические причины. Поэтому эффективная реформа миропорядка невозможна без формирования экономических институтов, обеспечивающих демпфирование экономических конфликтов. Процесс перехода ещё очень далёк от завершения, обе модели взаимодействия сосуществуют, будучи нетривиально связаны между собой. Понимание недавней истории с этой точки зрения важно само по себе; но кроме того оно позволяет лучше понять возможное будущее России.

В XX веке было сделано пять попыток радикального преобразования миропорядка, три из них ещё не завершены. Я имею в виду проект «тысячелетнего рейха», социалистический проект, «проект» лидерства США, политическая и экономическая координация на основе ООН и Европейский Союз, который, на первый взгляд, касается лишь одного континента, но в действительности предлагает модель всемирной интеграции.

Прежде чем переходить к их обсуждению, приведу несколько цифр, характеризующих экономическое развитие за сто лет:

- в 1913 году население Земли составляло 1,8 миллиарда, а сейчас — 7,02 миллиарда;
- в 1900 году ожидаемая продолжительность жизни в мире была 31 год, в 1999 году — 66. Для развитых стран в 2011 году она составляла от 79 до 83 лет. Скажем, в США — 79, в Японии — 83. В то же время в Свазиленде [Южная Африка] ожидаемая продолжительность жизни — 32 года;
- число рабочих часов в год одного занятого работника во Франции, в Англии и в США сократилось примерно в 1,7–1,8 раза;
- объём мировой торговли за последние 50–60 лет увеличился в 27–30 раз.

Надо сказать, что при этом разные ареалы земного шара росли существенно разными скоростями. И если валовой внутренний продукт на душу населения с 1913 по 2008 год в мире увеличился примерно в 5 раз[1], в Западной Европе — в 6,3 раза, в США — в 5,9, то в Латинской Америке — всего в 4,7 раза. Азия увеличила средний ВВП на душу в 8,1 раза, при этом Япония — в 16,5 раза, Китай — в 12,2, а Африка — всего лишь в 2,8 раза, то есть довольно сильно отстала от остальных.

---

[1] Подробнее см.: Maddison A. Historical Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2008 AD, 2010.— *ВП*.

В 1913 году российский ВВП на душу составлял 28% от уровня США по паритету покупательной способности, а в 2005 году цифра оказалась почти такой же — 27%. За это время Япония уменьшила отставание с 25 до 76%, Южная Корея — с 16 до 56%, Норвегия — с 43 до 110%. А вот для Англии и большинства стран Латинской Америки и Африки отставание увеличилось: например, для Чили — с 50 до 29%.

Мы знаем, насколько при этом развилась техника. Современный транспорт и средства связи создали условия для консенсусного взаимодействия, для координации.

Сразу после Первой мировой войны распались Австро-Венгерская, Немецкая, Российская, Османская империи. После 1917 года мы наблюдаем, с одной стороны, продолжение прежних «конфронтационных» попыток создания империй, претендующих на «руководство» миром. Это, прежде всего, проект «тысячелетнего рейха» в Германии, но также и попытка построения социализма «в обход» капиталистического развития. С другой стороны, создание Лиги Наций и затем ООН — мощная попытка всемирной координации, построения институтов, которые бы организовали и координировали весь мир. Другой, на мой взгляд, наиболее перспективный вариант организации «консенсусного» взаимодействия — формирование Европейского Союза.

Рассмотрим детальнее перечисленные модели (попытки) преобразования миропорядка.

Проект «тысячелетнего рейха».

Что произошло в результате прихода фашизма в Германии в 1933 году — хорошо известно; к счастью, одному из наиболее человеконенавистнических проектов завоевания мира, предусматривавшему тотальное уничтожение одних наций и подчинённое положение других, не суждено было реализоваться. Но интересен механизм «немецкого экономического чуда» 1933–1939 гг., обеспечивший выход Германии из кризиса, резкое снижение безработицы и быстрый рост благосостояния.

Характерные черты этого механизма: радикальное вмешательство государства в экономическую жизнь на основе планирования, промышленной политики, союза с частным сектором; энтузиазм населения, поверившего правительству; относительная простота главной задачи — формирование мощного военного потенциала.

После прихода Гитлера к власти были снижены налоги, введены дотации. Правительство было готово частично оплачивать проценты по кредитам промышленных предприятий. Для финансирования правительственных расходов был организован выпуск специальных государственных ценных бумаг. Государственные расходы резко выросли. В 1932 году их доля

в национальном доходе составляла 5,2%, а в 1938 году — уже 25,6%, из которой три четверти шло на военные ассигнования[2]. Расширился госсектор — во многом за счёт отъёма собственности у евреев. Первый четырехлетний план 1933–1936 гг. был осуществлён при контроле зарплаты, цен и внешней торговли, предусматривал сворачивание экспорта и акцент на импортозамещение. Государству, готовившемуся к войне, была необходима независимость от внешнего рынка.

Было создано объединение предприятий, оно называлось «Организация промыслового хозяйства». Объединение имело иерархическую отраслевую структуру, занималось проблемами развития, распределением заказов, разрешением споров, переговорами с правительством. Правительство получило возможность влиять на отдельные предприятия через промежуточную формально независимую организацию. Второй четырехлетний план, принятый в 1936 году, опирался на отраслевую систему генеральных уполномоченных со своими управлениями. С 1933 по 1939 год темп роста душевого ВВП Германии в среднем составил 7,2%. В 1933 году душевой ВВП был равен 2/3 английского, а в 1939 году — уже 4/5.

В нашем контексте проект «тысячелетнего рейха» интересен в двух отношениях. Во-первых, он подтверждает гипотезу о том, что в наше время планы организации мирового порядка на основе насилия не имеют шансов на реализацию. С другой стороны, он демонстрирует типичные черты успешной догоняющей экономической стратегии: достаточно изощрённое вмешательство государства в экономику, опирающееся на сотрудничество бизнеса и поддержку населения. Хочется сказать «на поддержку гражданского общества», но применять это понятие к нацистской Германии вряд ли корректно.

Социалистический проект.

Нацистский проект преобразования миропорядка находится в одном ряду с многочисленными проектами глобальных завоеваний, попытки реализации которых неоднократно предпринимались в ходе человеческой истории. Их идеологической базой всегда было какое-либо учение о преимуществах того или иного народа, расы или религии. Социалистический проект был совершенно иным, предполагающим не завоевание чужих территорий, а внутренние — пусть и насильственные — социально- экономические преобразования во всех странах, преобразования, которые в конце концов должны были привести к отмиранию государства, а значит, к ликвидации насилия и войн,— совсем в духе Канта.

---

[2] Приводимые здесь и ниже данные об экономике Германии заимствованы из книги А. А. Галкина «Германский фашизм» (1967. С. 56–107).— *ВП.*

Тем не менее насильственный характер проекта обрекал его на неудачу. Его идеология стала прикрытием осуществления «стандартных целей» — мирового господства одного государственного образования — Советского Союза (а внутри него — России), причём в качестве основы их достижения рассматривалась, как обычно, военная мощь. «Социалистические» институты оказались эффективным средством, хотя и на относительно коротком историческом интервале. Проект «рухнул» не только и, возможно, не столько в результате сопротивления извне, сколько под влиянием внутренней эволюции, приведшей к радикальному изменению целей, их противоречию с исходными политическими задачами. Попробуем очень бегло проследить основные вехи этой эволюции.

В результате Первой мировой войны национальный доход на душу российского населения упал с 1913 года по 1917 год на 23%. Когда был введён военный коммунизм, за один только 1918 год падение достигло 53% и продолжалось вплоть до окончания гражданской войны и введения в 1923 году новой экономической политики[3]. После этого начался быстрый экономический рост. За пять лет, с 1923 года по 1928 год, душевой национальный доход вырос в полтора раза.

Новая экономическая политика в значительной мере преследовала цель увеличения общественного благосостояния. В 1928 году по ряду причин (в частности, из-за кризиса в отношениях с Великобританией) произошла смена целевой установки. Был взят курс на создание мощной военной державы. В рамках этой задачи возникла система совершенно новых экономических институтов; каждая функция, выполнявшаяся раньше рынком, теперь исполнялась государством. Госплан, Госкомцен, Госкомтруда и т.д. составляли пятилетние планы, рассчитывали цены производимых продуктов, определяли номенклатуру специальностей и зарплату работников.

Так же, как и в Германии, относительная простота цели (наращивание военной мощи) стала предпосылкой успеха централизованного управления. А поддержку населения обеспечивали пропагандистская машина и карательная система, «выпалывавшая» недовольных. В течение десяти лет, с 1928 по 1938 год, национальный доход на душу населения рос средним темпом 4,6% в год. Это очень высокий показатель. Разумеется, в этих темпах значительна доля военной промышленности. Без индустриализации победа в Великой отечественной войне была бы вряд ли возможна.

---

[3] Здесь и далее данные об экономике России заимствованы из: Markevich A., Harrison M. Great War, Civil War and Recovery: Russia'National Income, 1913 to 1928 (2010); также см.: Maddison A. Op.cit.— *ВП.*

Темпы роста после войны, с 1946 по 1956 год, были тоже очень высокие — 6,4%. Потом они последовательно снижались, и в 80-е годы развитие прекратилось.

Я, конечно, должен подчеркнуть, что на фоне роста имели место колоссальные потери человеческих жизней. По некоторым данным (я опираюсь, в частности, на работу Маркевича и Харрисона), с 1937 по 1947 год потери составили более 15% населения — это 28,6 миллиона.

Тем не менее в1961 году СССР стал великой космической державой. Но прошло ещё десять лет, изменилась массовая культура. Консолидация Запада и ядерное оружие сделали бессмысленной ставку на военную конфронтацию. И снова мы наблюдаем не провозглашённую в явной форме, но по факту произошедшую смену целевой установки: и население, и властные структуры всё в большей мере стремятся к наращиванию потребления. И как только смена цели произошла,, выяснилось, что социалистические институты не способны выполнять «основной закон социализма» — удовлетворять «растущие потребности трудящихся». Уже к середине 70-х стало ясно, что социалистическая система не выдерживает соревнования с рыночными экономиками. Если сравнить страны с близкой культурой — Восточную и Западную Германию или Австрию и Чехословакию,— обнаруживается, что в капиталистических системах развитие шло гораздо быстрее. С 1976 по 1986 год темпы роста российского ВВП на душу населения составили всего 0,8%.

В 1990 году начался спад. Он резко ускорился в результате «рыночных» реформ. С 1991 года по 1998 год ВВП сократился на 39%. Маркевич и Харрисон утверждают, что спад производства за эти годы был выше, чем в результате Второй мировой войны.

О причинах неэффективности централизованной экономики написано довольно много. Среди них — отсутствие информации, необходимой для централизованного управления, трудности согласования интересов в иерархии, оппортунистическое поведение управляющих и недостаток стимулов к инновациям.

«Проект» лидерства США.

Соединённые Штаты действительно лидер по уровню благосостояния с начала XX века. После Второй мировой войны они обеспечили «баланс сил» и выигрыш Запада в холодной войне. США до сих пор — основной источник технологических и организационных инноваций в мире. Сейчас они в явной форме ставят задачу продолжить и укрепить своё лидерство. В январе 2012 года президент Соединённых Штатов, как обычно, издал документ, обращённый к армии, он называется «Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21th Century Defence» — «Поддержание

глобального лидерства Соединённых Штатов: приоритеты для вооружённых сил XXI века». В документе говорится: «Как Главнокомандующий я должен заявить..., что мы становимся ещё сильнее, чтобы сохранять глобальное лидерство Америки, поддерживать наше военное превосходство...». В послании утверждается, что именно Соединённые Штаты ответственны за поддержание равновесного международного порядка, за то, чтобы соблюдались права человека во всём мире, и не только права человека, но и права, и обязательства наций.

Эта программа мирового лидерства, в общем, подверглась серьёзному испытанию во время кризиса 2007 года. В течение 2008 года капитализация американских компаний понизилась в среднем на 40%. Согласно высказываниям ряда экономистов и политиков, были подорваны самые основы идеологии свободного рынка. Например, Алан Гринспен, который в течение многих лет возглавлял Федеральную резервную систему, заявил в парламенте: «Я ошибался, предполагая, что собственный интерес организаций, в особенности банков и других, таков, что они лучше всего способны защищать собственных акционеров». Таким образом он признаётся, что ошибался в самой сути организации свободного рынка.

Николя Саркози заявил, что принципу невмешательства государства в экономику пришёл конец, представлениям о всемогущем рынке, который всегда прав, настал конец — необходимо перестроить самые основы всей глобальной системы. Президент Буш пытался возражать: «Все наши государства,— говорил он,— должны отвергнуть призывы к протекционизму, коллективизму и пораженчеству перед лицом текущего вызова». Но реальную политику Соединённых Штатов в борьбе с кризисом, политику так называемого количественного смягчения, следует рассматривать, вообще говоря, как вариант протекционизма. Об этом прямо сказала президент Бразилии Дилма Русеф.

Проект американского лидерства опирается на военную силу, экономическую мощь и систему санкций; он явно относится к числу конфронтационных. Я не берусь обсуждать, в какой мере лидерство США необходимо для поддержания равновесия в нынешних условиях. Ясно, однако, что любое лидерство является временным и что поддержание эффективного миропорядка вряд ли под силу одной стране, даже если для реализации этой цели её граждане готовы жертвовать собственными интересами.

Политическая и экономическая координация: ООН.

Мне осталось обсудить два проекта, которые я отношу к категории консенсусных; они принципиально отличаются от предыдущих. Реализация первого из них началась с формирования Лиги Наций. Лига Наций, как известно, возникла в 1920 году. Её целями стали разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности,

урегулирование споров между странами путём переговоров, улучшение качества жизни на планете, а также финансовое регулирование, улучшение системы здравоохранения, научное сотрудничество, кодификация международного права, воспрепятствование распространению опиума и работорговли. По ряду направлений Лига Наций добилась успеха. Однако она не сумела предотвратить развязывание Второй мировой войны и закончила своё существование в 1946-м, когда была образована Организация Объединённых Наций.

Перечисленные выше цели являются основными и для ООН. Для их достижения создана разветвлённая система институтов, включая Совет безопасности, Международный суд, Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ), Экономический социальный совет. Цель ВБ — помощь развивающимся странам; таким образом, признана необходимость перераспределения доходов в мире. Исходная задача МВФ заключается в выдаче кредитов странам, испытывающим трудности вследствие дефицита платёжного баланса. Экономический социальный совет имеет очень широкое поле деятельности. В дополнение — ВТО [Всемирная торговая организация] осуществляет регулирование международной торговли.

Большинство из этих институтов международной интеграции подвергаются критике, вследствие того что их устав и принимаемые решения в значительной мере отражают интересы наиболее развитых стран. Например, каждая страна — член Международного валютного фонда располагает определённым числом голосов, в зависимости от суммы взноса. В результате, конечно, наблюдается доминирование Соединённых Штатов (16% голосов) и Европейского Союза (30%). Это обстоятельство очень сильно сказалось на характере помощи и советов, которые МВФ и другие международные организации давали развивающимся странам, в частности переходным экономикам.

Резкая критика политики МВФ и Всемирного банка содержится в монографиях экспертов, которые принимали в их деятельности непосредственное участие. Это William Easterly. The Lost Decades: Developing Countries' Stagnation in Spite of Policy Reform 1980–1998. (2001); Ha-Joon Chang. Kicking Away the Ladder. (2002); Joseph Stiglitz. Globalization and its discontents. (2003.) В частности, в книге Ченя [Chang] утверждается, что мировой порядок, который устанавливается международными организациями, отбрасывает ту лестницу, по которой развитые страны в прошлом достигли своей развитости, не давая воспользоваться теми же приёмами развивающимся странам.

Формирование единого правительства: Европейский Союз.

Наконец, ещё один, на мой взгляд, наиболее перспективный проект — Европейский Союз. Из-за нехватки времени я не могу на нём останавливаться,

тем более что его организация, достижения и трудности в общем хорошо известны. Я хочу сказать только, что Европейский Союз представляет собой на самом деле чудо и с социальной, и с экономической точек зрения. Если после Второй мировой войны спросить серьёзного политика, возможно ли, что у Франции и у Германии будет единая валюта,— я думаю, не нашлось бы смельчака, который ответил бы утвердительно, а это на самом деле произошло.

Европейский Союз благодаря очень рациональной, очень сбалансированной стратегии постепенно, шаг за шагом в течение 65 лет добился очень высокой степени интеграции. В основу этой стратегии было положено достижение консенсуса; правило единогласия до сих пор ещё применяется при решении наиболее важных вопросов Советом министров ЕС. Функционируют единый рынок и единая банковская система. Более 320 миллионов европейцев используют единую валюту; проводятся согласованные иммиграционная и техническая политика, политика охраны окружающей среды и т.п. Формально ЕС претендует на интеграцию Европы, но на самом деле демонстрирует возможность и подсказывает пути глубокой интеграции стран с разной культурой, значительно различающихся по уровню благосостояния.

Стратегия России.

Я думаю, что одна из глобальных задач России как раз и состоит в том, чтобы стать полноправным участником этой международной интеграции. Здесь есть свои трудности, но есть и свои приёмы. В частности, опыт экономического успеха, основанный на взаимодействии государства, бизнеса и гражданского общества, может быть использован и у нас.

По уровню благосостояния Россия сейчас ближе к Европе, чем когда-либо в своей истории. Душевой ВВП россиянина составляет более 2/3 аналогичного среднего показателя для ЕС.

Есть множество причин для пессимистических оценок. Наши отношения с Западом оставляют желать много лучшего, и это обстоятельство существенно ограничивает наши возможности развития. Мы пока ещё не научились проводить реформы и склонны к конфронтационному стилю разрешения противоречий — и национальных, и религиозных. Нам ещё предстоит овладеть приёмами эффективного заимствования передовых технологий и создать свою работоспособную национальную инновационную систему. Мы должны взять под контроль коррупцию и научиться демократии. И всё же я достаточно оптимистично смотрю в будущее.

Я верю, что рано или поздно возникнет союз России с Европой, действительно настоящий, истинный союз. И со временем мир построит то, что можно назвать по аналогии с Welfare State — Welfare World, мир всеобщего благосостояния.

Но для того чтобы включиться в этот проект, России (а без России он не может быть осуществлён) предстоит пройти длинный путь.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Виктор Меерович. Я бы всё-таки обратил внимание на то, что Вы очень оптимистично завершили своё выступление, но само выступление было довольно мрачным. Вы рассказали о пяти попытках реорганизации экономической жизни, и всё пять либо кончились крахом, либо близки к нему.

В. М. Полтерович

Пока что только две кончились крахом.

А. Н. Привалов

Ну, я бы не сказал, что дела лучше лично у Международного валютного фонда или там со Sustaining leadership страны United States. Ну, будем обсуждать, обсуждение у нас впереди. А сейчас я предоставляю слово нашему третьему выступающему.

Евгений Янович Сатановский [президент Института Ближнего Востока], прошу Вас.

Е. Я. Сатановский

Спасибо. Я-то как раз не такой оптимист, как академик Полтерович, поэтому искренне надеюсь не дожить до объединения Российской Федерации с Европейским Союзом, зная его успехи несколько с иной стороны. Совершенно не шучу. Ну, и поскольку я не член Никитского клуба, то за всё, что здесь будет сказано, Никитский клуб и его руководство никакой ответственности не несут.

Как известно, я никогда не говорю ничего, что касается нашей страны, исходя из желания спокойно дожить жизнь. Но раз предложено поговорить о последнем веке, и передо мной коллеги почти всё сказали, что можно было сказать о предшествующем столетии, то, видимо, придётся чуть-чуть ещё добавить и о том, что происходит сейчас, и что может быть в ближайшее время,— а это уж совсем не оптимистично.

Я не сторонник магии цифр, но, вообще-то говоря, 1913–1914 годы — это замечательно. Но если отойти на сто лет назад: 1814 год, крушение империи Наполеона,— это тоже перевернуло Европу. Ещё на сто лет назад — 1714 год: закончилась война за испанское наследство, Россия, наконец-то, победила Швецию при Гангуте — вот тот самый день воинской славы! — и это тоже перевернуло Европу. Отойти ещё на сто лет [1614] — знаменитый

день нашего народного единства, непонятно по какому поводу перенесённого с 7 ноября на 4-е, поскольку поляки как раз 7 ноября вышли из Кремля, а 4-го ничего, кроме атаки на Китай-город, не было (видимо, Сурков этого не знал),— и это тоже перевернуло Европу. Et cetera, et cetera, et cetera.

Здесь нет никакой магии цифр, но каждые сто лет что-нибудь такое замечательное происходит. А в четырнадцатом году у нас Олимпиада, как известно, и американцы выходят из Афганистана. Я в данном случае не шучу, потому что войны у нас никакой мировой не намечается. Ну ни одна экономика в мире не способна выдержать проекты по 50–60 миллиардов долларов, брошенных в никуда,— зимняя Олимпиада в субтропиках, саммит АТЭС, etc., etc., etc.,— в связи с чем нашу экономику очень часто называют клептократией, что переводится, как «власть воров».

Как известно, Пётр I, который был за двести лет до того, сам у себя не воровал, исходя из чего империя как-то более или менее им построена.

Из зала

Ну, другие воровали.

Е. Я. Сатановский

Сам у себя, понимаете! Вы знаете, он не строил проекты, которые должны были закончиться крупным выводом активов за пределы. И это достаточно сильно отличает сегодняшнюю нашу империю от тогдашней. Мы сегодня, безусловно, живём в империи.

А. Н. Привалов

Евгений Янович, прошу прощения, но просто для фактической точности: 1913 год поставил на тот момент исторический рекорд по выводу капитала из России.

Е. Я. Сатановский

Я понимаю, но выводы капитала бывают разные. Понимаете, мы об этом редко говорим, но в 1913 году мой прадедушка ввозил сюда капиталы в особо крупных размерах, занимаясь инвестициями на Украине, где был одним из крупнейших инвесторов в городе Екатеринославе. Я, видимо, первый после него бизнесмен в семье, поэтому очень хорошо знаю предметно, как это бывало последние сто лет. Разные люди были. Не существовало такого, чтобы элита — государственная, частная — вывозила семьи на будущее, в данном случае в Лондон, как некоторый резерв для безопасности капитала. Согласитесь, были какие-то другие механизмы. Ницца была вполне русским городом. Но идея, чтобы ваши дети просто уцелели

Е. Я. Сатановский

и должны быть быстро убраны на всякий случай — а вдруг что-нибудь завтра произойдёт! — этого не существовало. Сегодня у нас это реальность, и в этой реальности нам надо жить.

Абсолютно точно сказано о ситуации, что произошло с нашей экономикой в период Сталина, после периода Сталина, и поворот к рынку. А что, собственно говоря, было на рубеже 90-х? Партийно-государственный аппарат избавился от ответственности. От ответственности, что он должен чего-то делать, добиваться результатов, но при этом лично и персонально не может иметь плодов этих результатов.

Сегодня год, конечно, ключевой, потому что некоторая точка в этом плане поставлена, когда культуру или журналистику может заменить пропаганда, причём грубая пропаганда, такая очень незамысловатая. И выставка, о которой говорили, была очень показательна. Мне была очень любопытна идея, что все цари хорошие, кстати, кроме Александра II: слабоватто был, по мнению авторов, именно он, с его реформами. Во всём виновата была закулиса, ну, и долгий список евреев, которые там были. В принципе,

евреев в стране осталось мало, они уже всё равно привыкли, что они во всём виноваты, это не страшно. Но сама идея о том, что это есть некоторый такой центральный стержень, на который будет наша вертикаль власти опираться,— любопытна.

На сегодняшний день, в принципе, сформировалась правящая элита — это чиновники. Разный чиновник — от муниципального до того, которого назначат, и под него, собственно, всё и расписано, включая вашу Академию наук, которую, безусловно, уже не спасти. А также образование, медицину и всё остальное. И это тоже очень существенно, потому что будущее страны в значительной мере зависит от того, есть у неё институты или нет.

И это уже даже не голландская болезнь[4], когда у вас огромные сырьевые ресурсы, и задача состоит в том, чтобы всё направлять не только на пополнение сырьевых ресурсов — неважно, хоть золота или серебра в испанских монархиях или в иберийских монархиях, если угодно, хоть нефти на шельфе. У нас в данном случае продолжается раздел всего, что являлось Советским Союзом. Поскольку промышленность, уверяю вас, в общем, тоже закончилась, с космосом — примерно то же самое, etc. Да и с оборонкой то же самое. Как металлург[5] я имею к этому прямое отношение и очень хорошо знаю, чего там нового, а что является на самом деле неким разделом с эффективными менеджерами.

Вот это очень важно. Потому что это сильно отличает нас от действительности столетней давности, чрезвычайно сильно. Тогда был двор, придворные и челядь, но при этом существовала огромная подушка, движение с неким пониманием того, что строятся разные отрасли. На сегодняшний день задача ваша — не выстроить отрасль, а написать бумагу, исходя из которой потом поделить бюджет, а потом чтобы о вас забыли. Это ключевое отличие от столетней давности.

С нами всё понятно. Авторитаризм у нас мягкий, слава Богу, не при Наполеоне, в войну начальство не ввязывается, у него всё-таки есть этот урок. Идей на эволюцию экономическую и политическую — никаких. Политическая эволюция должна иметь хоть какое-то под собой количество желающих, которые бы хотели эту эволюцию произвести. Собственность — есть. Собственность на землю пошла примерно десять лет назад. Исходя из этого, где-то через 80 лет, то есть лет через 70 от сегодняшнего дня,

---

[4] «Голландская болезнь» — состояние экономики, для которого характерны два симптома: увеличение добычи и экспорт сырья и уменьшение объёмов отечественного промышленного производства; экспорт сырья гасит развитие национальной экономики.

[5] Е. Сатановский — выпускник Московского института стали и сплавов (1980).

наступит некоторый интерес к нормальным институтам — демократическим, парламентским, каким угодно. За три поколения — быстрее это не бывает, этого нигде не было быстрее и вряд ли будет быстрее у нас. И всё равно ключ здесь — вопрос с продажей земли. Продажа пошла в начале 2000-х годов. Я был бы рад быть более оптимистичным, но, к сожалению, не могу.

Что при этом происходит опять же у нас, тоже понятно. После ухода действующего автократора как минимум в 30-х годах, ну максимум в 40-х, видимо, местное начальство начнёт разделять страну на какие-то свои феоды — у кого что есть: у кого нефть, у кого газ, у кого транзитные пути, у кого алмазы, как в Якутии, у кого-то порты морские. А большой город, как наши две столицы,— в принципе, как показал пример Вены, столичная область может жить и без империи. И к этому там начальство вполне уже готовится. В Татарстане или Чечне на уровне даже среднего руководства более или менее понятно, почему выстраиваются именно те институты, которые выстраиваются, почему выстраиваются так те или другие зарубежные связи. Главная задача у тех, кто тогда будет жить, ну, что называется, не попасть под каток.

В стране даже никаких дорог не строится,— почему она должна быть единой, не очень понятно. Зачем Дальнему Востоку Большая Земля, куда все равно нельзя попасть? А под боком Япония, Южная Корея, Китай — гигантские ресурсы. Это реальность.

А что снаружи? Что при этом происходит в мире? Снаружи у нас происходит сильная деградация тех проектов, о которых говорил академик Полтерович,— американский проект, европеизация, попытка Обамы, самого неамериканского президента из всех президентов в истории Америки, ввести государственное доминирование над теми или другими американскими институциями на примере его медицинской реформы, и далеко не только. Можно просто прочесть большую и хорошую книгу «Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы» [авт. Дж. Голберг (Jonah Goldberg). Изд-во Рид Групп, 2012], которую я рекомендую, она вполне американская и чётко здесь рисует эту линию. Америка превращается из страны, которой она была, в страну, где основные права у народных масс, в том числе у люмпена, которого, собственно говоря, Обама сейчас и пытается ввести в американских граждан в количестве где-то 11,5 миллиона человек, чтобы база его партии доминировала достаточно длительное время.

Европа. Безусловно, европейский проект, которым мы так восхищаемся извне, с моей точки зрения,— я страшно извиняюсь, но могу позволить, если можно, не согласиться,— он рассыпается. Потому что большего недовольства европейцев своими европейскими политиками, их спекуляциями и много чем ещё трудно не заметить, включая и политику

достаточно высокого ранга. Началось с Великобритании и с Кэмерона, которого на Вильнюсском саммите очень не полюбили за его жёсткую критику политики свободной миграции. Но Европа, которая ничего не может сделать с 28 членами, никогда не примет в свой состав с большой буквы «Н»: Ни Россию, Ни Украину, Ни Турцию. Различные виды ассоциаций, которые дадут вам возможность, ну я не знаю, за счёт Украины переложить пути на Украине на европейскую колею — это ради бога!

Европа никого не собирается включать в свой состав. Как известно, для танго нужны двое. И старый еврейский анекдот о том, что Сара и Ротшильд, возможно, поженятся: Сара уже согласна, осталось только уговорить Ротшильда,— ну, наверное, мы согласны войти в Европу, а Европу только осталось уговорить, чтобы она полноправным членом ввела Россию.

Я не настолько юн, чтобы испытывать безумный оптимизм по поводу интеграции России в какие-то международные институции, тем более на правах полноправного партнёрства. Простите — зачем? Сырьё мы и так с успехом ещё качаем и сами довозим до границы. А всё остальное зачем? Деньги и так вывозятся и хранятся на европейских счетах. Собственно говоря, какие проблемы? Кому нужна Россия внутри Европы? Из сентиментальных соображений? Там нет сантиментов, это очень жёсткий, деловой мир. Что касается эмиграционной волны — на сегодняшний момент более четверти мигрантов из Африки и Ближнего Востока направляются в Европу, примерно 28%. Около 15% — в Соединённые Штаты Америки, etc. Европа этого выдержать не может.

Я занимаюсь проблемой беженцев, перемещённых лиц с Ближнего Востока и из Африки довольно серьёзно. Мы говорим сейчас о том, что в Европу идут уже не десятки, а сотни тысяч в год, и на повестке дня поток в миллионы человек в год. «Арабская весна» последних двух лет просто уничтожила барьер, который останавливал этих беженцев внутри Африки или стран Ближнего Востока.

К огромному сожалению, западный мир перестал существовать как серьёзная военная сила. Опять-таки четырнадцатый год — когда будут выведены войска из Афганистана, потому что они не могут там ничего сделать, как они ничего не сделали в Ираке. Выяснилось, что военный блок НАТО (у меня много друзей в руководстве этого блока), которые готовились воевать с нами, по-прежнему может уничтожить любое государство или любую государственную армию на планете, включая нашу. Ну, с той только разницей, что мы можем любое государство уничтожить просто физически атомными бомбардировками в ответ, только что делать потом, совершенно не понятно. Поэтому, если вся натовская машина не справляется с пуштунскими племенами горного Афганистана,— простите!

Международная система. Организация Объединённых наций — абсолютно неработоспособная система, что доказал весь опыт так называемого миротворчества, а заодно и реальных геноцидов в той же Африке. Конголезская война,5,5 миллиона покойников, — Первая африканская мировая, как её называли, 10 стран-участниц, — да слова никто, собственно говоря, не сказал! Руандийский геноцид: 1,5 миллиона покойников за два месяца, около 800 тысяч — за месяц. Кофи Аннан, реально отвечавший за эту ситуацию, становится Генеральным секретарём ООН. И так далее, и так далее, и так далее.

Сегодняшняя ситуация. Все бились за Южный Судан. Южный Судан — первый прецедент после падения колониальных империй. Наконец впервые изменилась граница два года назад — Южный Судан отделился от Судана. Все выдохнули. Два дня назад там началась гражданская война, просто племенная — племена динка против нуэр. Планета просто другая. С ви́дением ООН не совпадающая.

Все эти замечательные проекты очень хороши, только идёт глобализация, исходя из которой выясняется, что фактор племён работает. Реальных племён. Потому что африканцы, которые сегодня разделены на племена,— не на народы, как у нас в социалистические времена говорили (диссертацию нельзя было защитить по фактору племён, а вот по соцориентации тех или других — можно),— они живут племенным строем. И то, что там есть GPS, автоматы, авиация, возможность прилететь в любую страну мира и дальше на её территории продолжать свою племенную войну,— ничего не меняет. Как сегодня происходит с глобализацией исламского джихада, в том числе на сирийской территории.

Как происходит с ситуацией, когда вдруг выясняется, что работорговля никуда не делась. Доклады ООН о победе над рабством — это фикция. Порядка 800 тысяч патриархальных рабов в Мавритании, несколько десятков тысяч в Саудовской Аравии. Об этом не принято говорить, это люди не очень любят, но вы сегодня в Судане достаточно спокойно покупаете раба долларов за 70. Попытки спасать детей из христианских разгромленных монастырей и вывезти их в Европу заканчивались в этой Европе посадками дипломатов за то, что они способствовали работорговле.

Вот вам и вся международная мировая система. Она замечательно занимается израильско-палестинским конфликтом. Да, разумеется, вот это она делает хорошо. А чём ещё она хорошо занимается?

Сейчас проявляется достаточно чёткая тенденция — усиление религиозного фактора, в том числе выход религиозных войн из исторической коннотации в реальное поле. Притом что южное христианство и южный ислам, то есть африканский, латиноамериканский, очень сильно отличаются

от традиционного христианства и традиционного ислама. В основном там распространяются так называемые нетрадиционные, или маргинальные церкви. Вот те несколько десятков тысяч церквей, которые пошли сегодня по планете, очень хорошо наложились на племенную составляющую Африки.

И это всё взрывает уже и Европу. Я уже не говорю о демографии. Потому что Африка, насколько я понимаю, к 2050 году даёт порядка 2 миллиардов человек. Что делать с этими ресурсами — не понятно. И когда вы смотрите на проекты МВФ и Всемирного банка по поддержке Африки, стран третьего мира,— лучше бы эти люди не давали этих денег, потому что это тот же классический российский распил бюджетов, ну, произведённый с некоторым благородным лицом и хорошим обоснованием.

Можно приводить бесконечное количество примеров, как это работает. Мы видим сегодня, что у нас обрушивается система государств в исламском мире, начиная с «арабской весны». Но, в принципе, деградация государства и восстановление на его месте племенных союзов, как в Ливии, религиозных орденов, различных групп меньшинств, с трудом отбивающихся, религиозных или этнических, etc., etc., etc., ставит вопрос о ключевых игроках, которые восстанавливают влияние в этой части мира.

Здесь можно отметить, пожалуй, четыре страны, если говорить о Ближнем Востоке и Африке, где они всё более и более активны. Это Турция, которая говорит о себе, что она новая Оттоманская империя. Это Иран, который, безусловно, строит новую Персидскую империю. И два арабских проекта такого нового халифата — это Саудовская Аравия, геронтократия которой, безусловно, будет в ближайшее время распадаться, и Катар, который часто называют «лающей мышью», потому что он безумно мал, но очень агрессивен. А когда у страны остаётся где-то 100 миллиардов долларов в год на политические эксперименты, он может очень и очень лаять.

Нас это в том числе касается, потому что после «арабской весны» уже пошла так называемая «африканская весна» — обвальная попытка смены правительств или радикальная исламизация вплоть до ЮАР. И в 2014 году, после ухода американцев из Афганистана (я постоянно, извините, возвращаюсь к этому году, но тема так была уж назначена), мы ждём «центральноазиатской весны»: смены правительств в странах Центральной Азии.

В первую очередь Узбекистан здесь является страной под вопросом. Казахстан является страной номер два, но там казахское руководство — единственное из этих стран более или менее работает. Плюс достаточно серьёзная салафитизация Туркменистана. Киргизия, превращённая в некоторое наркомафиозное государство, и открытые там год назад посольства

Саудовской Аравии и Катара, из которых всё это, собственно говоря, и будет режиссироваться.

При этом если вы смотрите на государственную, промышленную элиту Турции, Ирана, Китая, Южной Кореи, Японии, кстати говоря, монархий залива, особенно малых монархий залива, смотрите на ту элиту, которая сейчас вырастает в Латинской Америке, в той же Бразилии или Аргентине,— вы понимаете, насколько она качественно отличается от нашего государственного аппарата. В этом перечне новых игроков Российской Федерации в качестве лидеров, извините, нет. Ну, условно говоря, в Турции у вас возьмут взятку, но тендер выиграет тот, кто на самом деле подал лучшие условия тендера. Это очень жёсткие, очень образованные, если угодно, меритократии, не имеющие отношения, не знаю, к дачному кооперативу Реджепа Тайипа Эрдогана под Анкарой.

Я приношу извинения, конечно, за некоторое лёгкое ёрничание, но я не могу ничего сказать более весёлого по этому поводу, потому что в данном случае, к сожалению, остаётся разводить руками. К сожалению, наши проекты, в том числе в нанотехнологиях, в инновационках,— это проекты имитационные, не более того. Попытки как-то показать это тем, кто занимается такими же проблемами на Западе, за рубежом, привели к некоторому большому позору, я бы сказал.

Что, исходя из всего этого, нас ждёт? Мне кажется, что планета просто возвращается к перераспределению влияния игроков, которое было в веке эдак XVII, в XVI, может быть, в начале XVIII. Ну, закончилась эпоха, когда белые люди делили планету и делали там всё, как они хотят. Если вы посмотрите на экономическую карту мира XVII века и роль в ней Японии, Китая, России, европейцев,— вы увидите, безусловно, большие поправки по сравнению с современностью: американцев не существовало, не было ЮАР, не существовало латиноамериканских государств. Вы примерно увидите то, что европейцы как таковые занимали существенно более скромное место. И к этому своему скромному месту они и уходят. Китай просто восстанавливает свои исторические позиции. Индия просто восстанавливает свои позиции. Корея, Япония и все остальные делают то же самое. Ну, есть ещё какие-то новые игроки.

Позиции нашей страны в начале XVII века были существенно скромнее, чем уже в XVIII. Ну, вот мы к ним, к сожалению, и возвращаемся. Мне кажется, это существенно, потому что исходя из этого можно понять, что можно делать. Мы не первая распадающаяся империя: Римская распадалась, Византийская около тысячи лет гнила. Может быть, кому-то из присутствующих удастся, учитывая компьютерные технологии и то, что, в конце концов, выезд из страны открыт (это великое достижение, мы открыты

сегодня миру и мир открыт нам), хотя бы сохранить то, чем они на своей полянке занимаются. Чтобы это хотя бы не умерло благодаря попечению государства.

На этой оптимистичной ноте я, к сожалению, вынужден пока закончить.

А. Н. Привалов

Уверяю вас, господа, совмещение в повестке дня выступлений Виктора Мееровича и Евгения Яновича не было запланировано именно с этой целью, но получилось вот так.

Е. Я. Сатановский

Ребята, я же, как акын, я что вижу, то пою. А вот результат — слушаешь коллег и проникаешься, а потом вот, проникаясь...

А. Н. Привалов

Евгений Янович, по-моему, первый из всех выступающих сказал нечто конкретное, чем может отличаться 2014 год от 2013-го, и это конкретное не радует.

Следующий наш выступающий — Инна Соломоновна Соловьева, искусствовед. Надеюсь, её выступление будет несколько более оптимистично, чем последнего из ораторов.

И. С. Соловьева

Боюсь, что заранее так сказали! Не уверена, что это будет очень оптимистично. Но начну очень оптимистично. Начну с того, что первый раз присутствую на таком почётном заседании. Скажу, что не порадовало, что пришла первый раз, а заседание оказалось последним в этом году — так бывает. И совсем не порадовало, что выступаю после Евгения Яновича: уж так это трудно!

Признаюсь вам, что я не подготовила доклада, поскольку не очень хорошо поняла цель, которая передо мной стоит. Но я не огорчена, и если представится такая возможность, я с удовольствием подготовлю доклад, потому что это очень серьёзно — дать анализ того, что произошло в искусстве за сто лет.

Уж если мы говорили о динамичном XX веке, то динамичные преобразования, произошедшие в искусстве, наверное, и представить себе было

невозможно. В 30-х годах XX столетия Марсель Дюшан[6] писал: «Ещё в 14-м году я им швырнул в лицо унитаз, а они до сих пор ищут в нём эстетическое начало»!

Что есть современное искусство, что есть старое искусство? Моя задача — совсем не ругать современное искусство, а моя задача сказать о том, что меня волнует, и я уверена, волнует моих коллег,— что умирает старое классическое искусство, и мы с вами присутствуем при том, как оно умирает.

А умирает оно потому, что картины Леонардо, Рафаэля, Веласкеса будут жить до тех пор, пока будут глаза, головы, чувства людей, которые приходят посмотреть эти картины. Что происходит сейчас? Человек приезжает в музей Прадо, он отмечает галочкой выдающиеся имена, бежит к этим картинам. Посмотрел три секунды, всё обошёл... Человек не даёт себе отчёта в самом главном: не происходит внутренней работы! Воспринимается как хорошее всё, что легко. Понимаете, не нужно читать книг, не нужно стараться вникнуть, не нужно понять художника — не нужно! Всё так легко!

Сегодня мы свидетели того, как здравый смысл просто теряется. Здравый смысл уходит из нашей жизни. И уходит, конечно, прежде всего через искусство — художник всегда был в центре внимания, в центре событий. «Глаголом жечь сердца людей». Ну, выжгли. Не глаголом. На Красной площади, гвоздями. Меня это не удивляет. Всегда находятся экстремалы, всегда находятся люди — приверженцы актуального искусства. Меня не удивляет то, что там этот человек объявил себя художником, а не просто сумасшедшим.

Меня пугает и удивляет другое. Находятся коллеги по цеху, люди блестяще образованные, понимающие, что они делают в реальной жизни, и они говорят о том, что это есть революционное проявление. Что именно это есть настоящее искусство — «искусство жеста», когда человек впервые додумался до чего-то и вот совершил такой акт. Вот поэтому неудивительно, что в музеях современного искусства разложены баночки с человеческими отходами от художников. Потому что это же впервые! Люди впервые до этого додумались, они — революционеры!

Я не утверждаю, что искусство должно служить — апологеты современного искусства говорят, искусство никому ничем не обязано, оно не должно служить, то есть никому и ничему. Я говорю, мы теряем здравый

---

[6] Марсель Дюшан (1887–1968) — французский и американский художник, теоретик искусства, стоявший у истоков дадаизма и сюрреализма; оказал влияние на формирование поп-арта, минимализма, концептуального искусства второй половины XX в. В 1912 г. создал новое направление в искусстве «ready-made» — «готовое изделие»: обычный предмет, выставленный как произведение искусства, подписанный автором. «Фонтан» (писсуар) — знаменитое творение Дюшана.

И. С. Соловьева

смысл! Да, Ницше сказал: «Бог мёртв». И когда Бог стал мёртв,— и искусство, и художник уже работали не для того, чтобы глаголом жечь, возвысить мысли, чувства, сердца. Что же пришло на смену? А на смену пришло то, что́ победило искусство сегодня. Искусство победил рынок, искусство победили деньги. Хороша картина не та, которая..., и дальше идёт объяснение, почему она хороша,— а потому что за неё на Сотбис или на Кристис дали такие огромные деньги. И неважно, что это всего лишь какая-то закулисная игра, подчас не имеющая никакого отношения к тому, что представляет собой произведение искусства... Наформалиненные акулы Херста[7], которые периодически надо приводить в чувство, менять: «великое произведение искусства», которое гниёт, тухнет и т.д.

Меньше всего мне хотелось бы выглядеть человеком, который говорит, что всё современное — плохо. Я и не собираюсь об этом говорить. Есть

[7] Дэмьен Херст (англ. Damien Hirst 1965 г.) — английский художник, предприниматель, коллекционер.

гениальные современные художники — и Френсис Бэкон[8], и другие,— гениальные, потому что они чувствуют своё время и понимают, как оно изменилось. Искусство всегда показывало реальную жизнь людей, оно всегда отражало процессы, которые происходили с нами. Человек пережил бомбёжку в Лондоне, он показывает множество кулёчков, лежащих где-то в тоннеле, и когда понимаешь, что тысячи безликих кулёчков это погибшие люди,— тебя охватывает страх, ужас. Тот же Мунк[9], который показал действительно гримасу страха.

Эти художники обладали тем, что сейчас абсолютно изгоняется из нашей жизни и не берётся в расчёт. Они обладали мастерством. Сейчас, для того чтобы быть художником, не нужно владеть мастерством. В разговоре с очень умными современными искусствоведами я спрашивала: «Хорошо, я тогда не понимаю, а что есть предмет искусства?» Они мне говорят: «Всё то, что находится в галереях, и всё то, что выставляет галерист». На первом месте не личность художника, а галерея и галерист, представляющий художника. Галерист может всё, он может неизвестного сделать известным. И как только ты стал известным, как только радио и телевидение освещают твоё творчество,— ты уже великий, у тебя уже индульгенция на неоспоримость твоего творения. Известность подменила личность художника, его профессионализм.

Я просто с ужасом думаю о наших детях, о наших внуках, которым предстоит разобраться в этом страшном мире. Они пришли в музей современного искусства, у них представление, что в музее выставляют лучшее, то есть дети идут в радости и надежде, и когда им показывают... Современному молодому человеку очень трудно расставить правильные приоритеты, потому что нет базы, на которую могли бы опираться его знания. Всё чаще значение профессионализма подменяется представлением, что можно жестом, актуальным искусством заменить то традиционное, что вырабатывалось веками. Эпатаж всё более претендует на роль критерия талантливого, и часто это напоминает хрестоматийный наряд хрестоматийного героя, выдаваемый свитой за нечто, доступное особому «ви́дению».

Я не считаю, что современное искусство заслуживает только таких слов. О «Чёрном квадрате» Малевича до сих пор с удовольствием спорят, хотя прошло уже сто лет. Я хочу сказать только об одном: это были высочайшего

---

[8] Френсис Бэкон (англ. Francis Bacon, 1909–1997) — английский художник-экспрессионист.

[9] Эдвард Мунк (норв. Edvard Munch, 1863–1944) — норвежский живописец, график, театральный художник, представитель символизма и модерна. Версии картины «Крик» написаны в 1893–1910 гг.

класса художники-профессионалы, поклонники старого искусства, и мастеровые, профессиональные люди. И Малевич своим манифестом, своим «Чёрным квадратом» абсолютно в рамках законов живописи на холсте красками показал идею, которую он хотел выразить. Его страшили происходящие процессы, он боялся, что всё идёт к распаду, к полному обнулению. Он создавал собственный язык и собственное ви́дение вот этого космоса.

Повторю ещё раз, что современному молодому человеку очень трудно расставить правильные приоритеты, потому что нет базы, на которую могли бы опираться его знания.

В результате нередко можно услышать такое: «Вы знаете, кто такой Леонардо? — Да, мы знаем, так звали одного из черепашек-ниндзя.— Вы видели картину Шишкина? — Да, мы видели.— А где вы её видели? — А вон автобус поехал, и на автобусе огромная картина Шишкина».

Сейчас не нужно трудиться, чтобы слыть современным, не нужно трудиться, чтобы хорошо разбираться в искусстве. Эти процессы меня волнуют. Я знаю, в любое столетие были люди, которые боялись, что будет хуже. Не хочу усугублять, но скажу, что сейчас очень трудно противостоять огромному международному институту профессионально образованных людей, которые выдают неправильные, негуманные, неэстетические вещи. Именно профессиональных в своём роде людей, которые говорят о том, что старое искусство умерло и умирает, и выдают в качестве современного продукта ту нелепость, ту гадость порой, которую мы видим. Цель этого мне непонятна, вероятно, причины этой цели — за пределами искусствоведения.

Вот это то, о чём я хотела вам сказать, чем поделиться. Извините.

А. Н. Привалов

Вы выполнили мой заказ, вы были крайне оптимистичны. Потому что, повторяю, тринадцатый год, 1913 год,— это скандал с «Весной священной», это скандальный концерт Шёнберга с учениками, это «Чёрный квадрат», то есть три четверти всего того, что вы сказали сейчас, можно было сказать тогда.

И. С. Соловьева

Это «Авиньонские девицы» Пикассо и многое другое.

А. Н. Привалов

Ну и хорошо. В конце концов, мир един.

Л. И. Иовлева, *советник директора Третьяковской галереи*

Можно внести, простите, маленькую ясность? Последние годы исследованиями специалистов «Чёрный квадрат» датируется 1915 годом.

И. С. Соловьева
Правильно, правильно.

Привалов А. Н.
Беру свои слова назад.

Л. И. Иовлева
Поэтому мы, музейщики, уже думаем о том, как отметить столетие «Чёрного квадрата».

А. Н. Привалов
Ну, а тут же выясняется, что он посвящён Ленину. Тут много чего интересного выясняется.

Л. И. Иовлева
Но это, вообще, не исключает того, что «Чёрный квадрат» — это, конечно, символ, это манифест, это всё что угодно. Но когда он появился в пятнадцатом году, супрематизм Малевича (а до этого ещё и Ольги Розановой) был уже провозглашён, был уже реализован и пр. Это так, апропо.

А. Н. Привалов
Ну да.

Л. И. Иовлева
Ну, уж коли я взялась...

А. Н. Привалов
Простите, пожалуйста, Лидия Ивановна! Нет-нет, секундочку подождите, мы всё-таки какой-то порядок наведём. Я с удовольствием Вам предоставлю слово, никаких возражений.

Значит, господа, давайте всё-таки попытаемся договориться о порядке прохождения дальнейшего. Я так понимаю, уже затронуто огромное количество тем. К сожалению, ещё большее количество тем не затронуто. И потому я вовсе не требую, не могу требовать, чтобы каждый, кто захочет взять слово в дальнейших прениях, непременно отвечал на какое-то высказывание одного из наших докладчиков. Но совершенно очевидно, что общий сгусток тем понятен: ход истории и возможные пороги этого хода.

Верно ли ощущение, что что-то назревает? Ощущение, которое так драматично излагал нам Евгений Янович,— что всё то, что раньше как-то

Л. И. Иовлева

худо-бедно работало, работать перестаёт. А когда то, что работало, перестаёт работать,— начинает устраиваться что-то новое. И это всегда через кровь, история не знала других вариантов. Нет такого ощущения? Нет ли такого ощущение, что у нас приближается свой локальный порог?

Есть ощущение, что сегодняшние деятели искусства резко хуже, чем люди столетней давности? Хотя это, на мой взгляд, основывается на очень небольшой группке ребят, которые занимаются так называемым современным актуальным искусством, и, например, к Венскому филармоническому оркестру вообще отношения не имеет — он сегодня лучше, чем был сто лет назад. Так что в любом случае говорить можно, о чём захотите.

Лидия Ивановна [Иовлева], я Вас прервал. Прошу, Вам слово.

Л. И. Иовлева

Я очень коротко, надеюсь. Я просто хочу как-то немножко отреагировать на весьма такое эмоциональное выступление Инны Соломоновны Соловьевой. Я хочу сказать, что эмоционально мы даже все с ней согласны.

Современное искусство, как мне кажется, и современная история, и наша жизнь, может быть, вообще мало дают эстетической радости. Все говорили о каком-то ожидании чего-то тревожного. Но мне кажется, что если говорить о культуре, об изобразительном искусстве, чем я занимаюсь всю жизнь и что мне близко,— я бы всё-таки не воспринимала так категорически негативно какие-то явления в современном искусстве.

Поделюсь личным опытом. Я занимаюсь старым искусством, русским искусством, XIX веком и началом XX века. И, конечно же, когда я приезжаю в страну, богатую музеями, с богатой историей и художественной культурой, я в первую очередь иду в музеи старого искусства. Я получаю там огромный заряд вдохновения, если хотите, радости, восторга и ощущения какого-то интереса к жизни.

Но я всё-таки живу в наше время, и я потом иду в музей современного искусства, особенно если это Тейт Модерн в Лондоне. Так вот, я понимаю, что художник ведь живёт не на необитаемом острове, а в той же стране и в той же истории, в которой живут все люди и все общества. И нынешний художник живёт в той же истории, в которой живём все мы. Безусловно, может быть, рынок никогда не определял всю нашу жизнь так, как это определяется сейчас.

Тем не менее ведь не только рынок, есть ещё время, эпоха. Может быть, в нашем непосредственном таком, не имеющем перспективы взгляде кажется, что что-то совсем уж никуда не годно. Так смотрит любой современник. Так современники смотрели на импрессионистов, Стасов так смотрел на «Мир искусства» [художественное объединение,1898–1924 гг.]. И таких примеров можно привести бездну. Но есть время, которое должно отобрать, безусловно, наше время — тоже. Это предчувствие какой-то либо ломки, либо катастрофы, не знаю, кто и как воспримет, либо какого-то движения всего мира, всего человечества куда-то к каким-то другим путям, другим. Нравятся они нам или не нравятся, но это другие пути.

Да, я понимаю, что наше современное искусство, да и не только наше, в значительной степени находится в тупике. Но поверьте опыту — когда мы обсуждаем, например, что брать в Третьяковскую галерею, и нам представляют работы такие традиционные, реалистические, и такие модернистские, современные, или как говорят «актуальное искусство»,— я не знаю, кто выигрывает в этой ситуации. Мы всегда в растерянности, потому что современное искусство уничтожило всякую метафору, без которой, на мой взгляд, не может существовать искусство. Традиционное искусство как бы повторяет азы, ничего нового в себе не содержит, не содержит не только идеи, но даже такого сильного переживания.

Я согласна с тем, что искусство наше находится в тупике. Но не в тупике ли и наше время, вообще наша история? — вот, что мне кажется

в преддверии столетия этого четырнадцатого года, с которого, как говорила Ахматова, начался двадцатый век.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Лидия Ивановна. Следующим попросил слова Андрей Александрович Чернихов [архитектор, руководитель АДМ А. Чернихова].

Я хотел бы обратить внимание собравшихся на то, что по поводу экономических и политических аспектов что истекшего столетия, что наступающего года нам, в общем, сказать нечего. Говорят люди искусства. Андрей Александрович, прошу Вас.

А. А. Чернихов

Дорогая Лидия Ивановна, вот прямо наоборот! Я только что был в жюри детского архитектурного конкурса. Потрясающая выставка студии «Старт», детской архитектурной студии в павильоне «Рабочий и колхозница» на ВДНХ. Я видел их работы много раз, видел парады детского архитектурного костюма. За один вечер проходило 400 костюмов, сделанных детьми, конечно, с помощью родителей, педагогов. Костюмы всех стилей, с потрясающей выдумкой, потрясающей фантазией. Знаете, каждый раз, когда я смотрю эти дивные работы юных архитекторов, я всегда вспоминаю Тагора, который говорил, что с каждым криком новорождённого Бог говорит людям, что он ещё не потерял веру в них.

Всё, на самом деле, крутится, если так можно сказать, вокруг веры во что-то. Перед этим была выставка Джексона Поллока[10], она и есть, в Милане уже третий месяц идёт. Что мне там очень понравилось — молодые экскурсоводы, группа подростков по 15–20 человек. И я так прохаживался от одной группы к другой и приглядывался, собственно, не к тому, что говорит экскурсовод, а как эти дети, эти подростки, смотрят на абстракцию, как они слушают.

Должен вам сказать, что эта вера укрепляется: человеческая пытливость всё-таки присуща человеческому роду. И нельзя не вспомнить кем-то сказанные слова, что европейское искусство устало от человека. Оно действительно все сто лет демонстрировало фантастическую усталость. Но всё же сто лет искусство демонстрировало потрясающие открытия и внутри человека, потому что если до фотографии искусство фиксировало то, что было скрыто от глаз человека, то в эпоху фотографии, в эпоху кино,

[10] Джексон Поллок (Paul Jackson Pollock, 1912–1956) — американский художник, один из наиболее известных представителей абстрактного экспрессионизма 1950-х годов.

А. А. Чернихов

в эпоху 3D-моделирования и т.д. искусство ушло просто в другие области. И то, что мы говорим о кошмаре рынка в искусстве,— маршаны, которые, казалось бы, завладели миром искусства, на самом деле к искусству имеют весьма отдалённое отношение.

Раньше вещи переживали людей, башмаки переходили от одного члена семьи к другому. А сегодня люди переживают вещи, причём статистика страшная: в некоторых странах 90% производимых товаров уничтожается. Вот это страшно, это кризис цивилизации, это кризис культуры.

Но это не означает, что искусство умерло. Четыре года назад на Венецианском биеннале (год — арт-биеннале и год — архитектурный биеннале поочерёдно) Ваш покорный слуга отстоял 25 минут в инсталляции Билла Виола[11] «Оушен», а потом через месяц вернулся специально, чтобы отстоять час двадцать. Это фантастическая инсталляция! Три

[11] Билл Виола (Bill Viola, p. 1951 г.) — американский художник, работающий в жанре видео-арт.

небольших телеэкрана-плазмы показывают вам, кто ты есть на этой Земле. Я считаю, что Билл Виола один из величайших художников мирового искусства во все времена.

И такие художники есть сегодня. Они могут работать в разных жанрах. Мы как-то всё время утыкаемся только в живопись. На самом деле искусство становится куда более разнообразным в своих проявлениях. Сегодня подсознательное тоже является частью мира искусства. Вопрос не в Хёрсте. Кстати, Хёрст делает, как мы знаем, великолепные вещи как художник. Он ведь неплохой художник, очень мастеровитый и талантливый. То, что он стал коммерсантом сам для себя,— так очень многие художники, кстати, не только в наше время, и в прошлые времена тоже были коммерсантами сами для себя, и халтуры было очень много, и плохого искусства тоже было очень много.

Я бы не абсолютизировал несчастье в нашем художественном мире, а говорил бы, наоборот, о том, что надо всецело разделять и поддерживать, воспитывать и понимать, и принимать. А многое, может быть, мы ещё не разглядели в современных художниках, в современных композиторах, в современных музыкантах.

Говорят, что Санкт-Петербург музыкально-центричный город, а Москва — театрально-центричный. В Москве происходит столько потрясающих премьер в течение года, такие фантастические спектакли, такие актёры, такие режиссёры, такие художники по свету! Я счастлив, что мы живём в одном городе с Сергеем Бархиным[12]. Что ни спектакль — шедевр сценографии.

Как архитектор могу сказать, что, казалось бы, и современная архитектура безумно коммерциализировалась. И все наши герои — Фостер[13] и Заха Хадид[14], которые будучи в расцвете сил демонстрировали великолепную архитектуру, как-то уходят на полку с надписью «рынок». Но возникают совершенно потрясающие ребята. Возникают совершенно уникальные тренды, когда молодые архитекторы едут в Африку, работают в странах Латинской Америки, работают в Азии. Практически своими руками делают проекты вместе с населением. Казалось бы, это самая простая история — причём здесь архитектура как искусство? Но они настоящие мастера архитектуры, они делают великолепную архитектуру.

---

[12] Бархин Сергей Михайлович (р. 1938 г.) — российский сценограф, художник, художник книги, архитектор, народный художник РФ.

[13] Норман Фостер (Norman Foster, 1935 г.) — британский архитектор, зарубежный почётный член РАХ.

[14] Заха Хадид (Zaha Hadid, р. 1950 г.) — британский архитектор арабского происхождения, самая известная в мире женщина-архитектор.

Архитектура сегодня впитала такие технологии, что через некоторое время мы с вами увидим совершенно иную архитектуру. Здесь и зелёные технологии, и архитектура, которая реагирует на человека. Я вам приведу только два примера. Вы входите в помещение в очень дурном настроении. И вдруг книжная полка высотой где-то три-четыре метра и длиной десять метров принимает очень мягкую форму, она переливается мажорными цветами и реагирует на ваше настроение, компенсирует это настроение. Это очень интересные эффекты, которые сегодня демонстрирует современный дизайн.

Один наш приятель, голландский архитектор, сделал потрясающую архитектурно-дизайнерскую штуку: маленький городок, 50 тысяч населения — посмотрите, какая перекличка со средневековой Европой, которая то в холере, то в чуме, то ещё в чем-то. И люди в городах на своих границах выбрасывают опознавательные знаки, что происходит в городе. Вот здесь стоит что-то отдалённо напоминающее вытянутый зуб. К этому зубу — он стоит корнями на земле — подведены сигналы. Люди в этом городке знают, что каждое утро они могут встать и нажать одну из клавиш на компьютере. Если умерла тёща или ушла любимая девушка — клавиша будет грустная, типа сиреневая или фиолетовая. А если выиграла родная команда, то оранжевая или, например, жёлтая. В результате путешественник или люди, которые пришли на центральную площадь, хорошо осведомлены, что же происходит сегодня в городе с точки зрения его настроения, его жителей.

Мне кажется, что вот место, которое называется «Никитский клуб»,— оно, в том числе, и для анализа, но, наверное, и для того чтобы мы могли поддерживать друг друга, а через нас и всех, кто нас окружает. Поддерживать самыми интересными и самыми позитивными трендами, которые каждый в своей профессии может продемонстрировать. У меня даже есть предложение, Александр Николаевич, собрать сегодня все эскизы на столах, потому что я подглядываю, кто что рисует. И у нас будет потрясающая библиотека.

А. Н. Привалов

Отличная мысль, спасибо! Инна Соломоновна, пожалуйста!

И. С. Соловьева

Я рада, что возникла такая дискуссия. Первое, с чем я хотела бы не согласиться: никогда старое искусство, я имею в виду произведения великих художников, не носило подражательный характер. Ни одна фотография никогда в жизни не может заменить портреты Рембрандта. Это моё мнение. Понимаете, всегда между оригиналом и изображением лежал талант и большая душа художника. Так что здесь это не искусство подражания. Это не искусство. И появление фотографии ничего в этом смысле...

А. А. Чернихов

Инна Соломоновна, я говорил совершенно о другом. Вы меня, видимо, не так поняли.

А. Н. Привалов

Господа, пожалуйста, не надо частных дискуссий!

И. С. Соловьева

Ещё одно замечание, и я заканчиваю. Конечно же, говорить о том, что современное искусство не живёт, его нет, если бы я утверждала это,— а я работала с современными художниками на Малой Грузинской много лет,— я выглядела бы просто глупо. Я говорю о другом — об актуальном искусстве, об искусстве жеста. Искусство, которое не требует наличия профессионализма. Вот что я хотела бы отметить, чтобы меня поняли.

А. Н. Привалов

Да, да, совершенно верно. Я наткнулся на фразу такого замечательного пожилого поляка Кшиштофа Занусси, который так вежливо-вежливо сказал, что, по-видимому, произведение искусства, которое можно пересказать по телефону, оно какое-то не очень важное. Вот на этом, полагаю, с этим актуальным искусством можно и покончить.

Александр Григорьевич Механик [обозреватель журнала «Эксперт»], прошу Вас.

А. Г. Механик

Четыре первых наших выступающих задали весьма пессимистический тон обсуждению: ожидания если не катастрофы, то грандиозной ломки, которая ожидает Россию. Я не берусь судить об этом в глобальном, мировом масштабе. Как достаточно приземлённый журналист, общающийся с разными людьми, я хотел бы отметить несколько своих впечатлений.

Должен сказать, у меня тоже неоднозначное отношение к происходящему в стране. Тем не менее я бы не сказал, что мы сидим в какой-то мрачной, беспросветной яме, и вот на что я обратил бы внимание. Сегодня прозвучало, что российские инновации — это фактически имитация без каких-либо перспектив. Я считаю, что это не так. Возможно, и господин Сиднев, который создал в Троицке нано-центр [Центр технологического обеспечения «ТехноСпарк»], тоже может что-то сказать по этому поводу. Тем более что в нано-центре есть фирмы, которые я знаю, выдающиеся по своему уровню, бесспорно мирового уровня, хотя они и очень небольшие.

А.Г. Механик

Мы действительно прошли очень разрушительный период, но разрушено всё-таки не всё. Буквально за последний месяц я обошёл шесть наших ведущих, даже выдающихся, я бы сказал, инновационных компаний. И руководители этих компаний в один голос говорят, что за последние несколько лет ситуация резко улучшилась. В чём она улучшилась? Руководители компаний подчёркивают, что в администрировании со стороны власти, в их отношениях с властью, при всех существующих недостатках за последние несколько лет заметно изменилась общая атмосфера. Я подчёркиваю: при всех недостатках и прочем. Я мог бы рассказать с их слов просто анекдотические случаи о взаимоотношениях с той же властью, но, тем не менее, они все однозначно говорят, что ситуация улучшилась.

Главная проблема сейчас для этих компаний не столько административного свойства, сколько узость российского рынка. Компании должны расти, а им не на чем расти, потому что российский рынок очень узок. Страна ещё не выросла до размеров, которые бы позволяли поглощать инновационную продукцию. Это первое.

Второе — это отсутствие развитой финансовой системы, о чём Александр Николаевич [Привалов] часто пишет, и в «Эксперте» у нас это постоянная тема: узость финансовой системы, которая не может предоставить необходимые финансовые средства, которые, к тому же, и чрезвычайно дорогие. И третье — это трудности выхода на внешние рынки, где нас никто не ждёт, и где вообще оказывают всяческое сопротивление именно российским инновационным компаниям.

Это мешает им стать глобальными компаниями, хотя, тем не менее, среди них уже есть глобальные компании. Одна из них — очень известная IPG Photonics, во главе которой стоит такой человек Гапонцев[15], которая ушла отсюда, вышла в мир, а теперь вернулась, развивает здесь очень сильно своё производство, и, в общем, превращается в ещё более, что ли, глобальную компанию. Ну, и ряд других.

Ситуация в этом смысле очень неоднозначная. И я не берусь судить, сколько средств выводится за рубеж, сколько воруют, но я хочу сказать, что эти люди, наверное, представляют себе, кто и сколько выводит, но, тем не менее, они ожидают дальнейшего улучшения ситуации. Они ждут позитивного отношения к себе со стороны общественности. Если всё время говорить, что вы ничто, что у нас все инновации — это имитация, то это влияет и на их отношение к себе.

Очень важно соблюсти баланс в критике государственных объектов и планов. Например, по отношению к тем же Роснано или Сколково, которые не дают того эффекта, на который, возможно, рассчитывали власти. Но что для них (инновационных компаний) важно — что эти две институции обозначили государственный интерес к инновациям и инновационному бизнесу. Сколково и Роснано, может быть, даже не дали им многого, но они обозначили существование государственного интереса. Это важнее иногда, чем какая-то непосредственная помощь.

Но есть другая сторона жизни, с чем я столкнулся в последнее время. Это относится не к инновациям, а к проблеме крестьянства, которое здесь было упомянуто в связи с 1913 годом. В апреле этого года госпожа Голодец сказала, что у нас 40 миллионов человек трудоспособного населения не присутствуют в статистике. Неизвестно, чем они занимаются. Не пенсионеры, не молодёжь, не подростки, а именно трудоспособное население.

---

[15] Гапонцев Валентин Павлович (р. 1939) — советский и российский физик; заведующий кафедрой МФТИ и Вустерского политехнического института (США), председатель Совета директоров и управляющий директор Международной научно-технической корпорации «IPG Photonics».

По оценкам Академии сельскохозяйственных наук, 20 миллионов из них — это жители села. И это те, кто, можно сказать, оказался погружён в абсолютно архаическую жизнь, те, кто исключён из современной жизни. Это люди, которые копаются с лопатой на собственном огороде, последнее время фактически изолированы от всех благ цивилизации, когда из сёл начинают выводить школы, выводить здравоохранение.

Эти люди оказались в положении чудовищной бедности, архаичности и бедности. И, как сказал один известный фермер — Мельниченко, не раз, кстати, выступавший на разных форумах с призывом обратить внимание на этих людей,— это океан ненависти. И эта проблема — проблема людей, вытолкнутых из общества, о которых не думает государство, о которых вообще никто не думает, — эта проблема действительно серьёзная.

А.Н. Привалов

Спасибо, Александр Григорьевич. Вы и оптимист, и пессимист, просто на все руки мастер. Михаил Иванович Москвин-Тарханов [депутат Мосгордумы], прошу Вас.

М.И. Москвин-Тарханов

Уважаемые коллеги, меня очень волнует всё то, что говорится здесь: и культура, и бизнес, экономика, и прогнозы, и политика. Поэтому, запутавшись в конец в собственных эмоциях, я попытаюсь просто высказать, может быть, что-то бессвязное.

Начну с того, что мой двоюродный дед Иван Москвин[16] участвовал в одном выгодном инвестиционном проекте, начатом в 1898 году. В 1902 году проект вышел на окупаемость, а в 1906 году вернул кредиты и стал очень рентабельным. Проект назывался «Московский Художественный театр». Москвин был ведущим актёром и пайщиком театра, играл заглавные роли и т.д. и т.п. Потом мой родной дед Михаил Тарханов (это сценический псевдоним, потому у меня двойная фамилия, состоящая из родовой фамилии «Москвин» и сценического псевдонима деда) туда пришёл уже после революции.

Московский Художественный театр ввёл мою семью в круг московской статусной интеллигенции и образованных деловых людей. Ведь Московский университет, Московская биржа, Московская дума, Малый

[16] Москвин Иван Михайлович (1874–1946) — российский, советский актёр, театральный режиссёр, народный артист. СССР (1936), лауреат Сталинской премии первой степени, директор МХАТ (1943–1946).

театр, Консерватория и университет Шанявского[17], ещё некоторые московские заведения,— собственно, это был особый московский круг! Специфический и связанный уже не со старым купечеством, а с новым молодым бизнесом, вышедшим из купцов,— с Морозовыми, Тарасовыми, Алексеевыми, Боткиными, Рябушинскими, Бахрушиными, Тарасовым, Сытиным, Солдатёнковым, Телешевым и многими другими.

Многие из этих деятелей учились в Кембридже, потом в Оксфорде. Основатель «Летучей мыши» Николай Тарасов — в Оксфорде, а потом в Кембридже. В Англии, в Манчестере и Бирмингеме, русские промышленники покупали самые свежие «инновации», внедряли их, и даже усовершенствовать их удавалось. Это получалось весьма хорошо.

Так вот этот круг нового молодого бизнеса, когда основывали Художественный театр,— люди этого круга в лице Саввы Морозова жёстко сказали Алексееву, представителю этого же круга — Константину Сергеевичу, будущему Станиславскому: «Костя, если ты пойдёшь на Тверскую,13 к генерал-губернатору (они хотели пойти туда, к великому князю, ко всему этому окружению поддержки и средств просить), то про нас забудь. Мы никогда с «этими» не работаем! Ты, дорогой, проси либо на Рогожской и Ильинке, либо на Тверской». Поэтому от чиновников и аристократов обычно никто ничего не требовал. Бизнес жил в своём мире, а чиновникам аккуратно заносили взятки. Причём заносили, чётко зная, куда, в какой кабинет сколько и пр.

Чиновники пропивали эти взятки на Ривьере. Всё было абсолютно очевидно. От чиновников не требовалось ничего особенного, только чтобы поддерживали правопорядок. Дальше что? Ругали власть. Но как ругали её? Всё время! Забавляли себя тем, что образовывали всякие общества, в том числе масонские ложи. Сразу сами себя посвящали в «Рыцари золотого и розового креста» (18 градус) или сразу в «Князей Ливанских» (это будет 22 градус). Своей лихостью поражали французских масонов просто до глубины души.Те изумлялись, и даже не знали, что сказать по этому поводу.

А что до самой масонской ложи, так представители этого тайного братства из Московской думы зачастую собирались в татарских банях. Видимо, там молотком стучать удобнее, прямо по шайке с водой. И там о чем-то договаривались. Как будто всё не всерьёз, как будто жизнь была как большая

---

[17] Московский городской народный университет им А.Л. Шанявского — негосударственное (муниципальное) высшее учебное заведение (1908–1920). Создан на средства Альфонса Леонидовича Шанявского — генерала русской армии, впоследствии сибирского золотопромышленника. По завещанию основателя университет был открыт для всех, независимо от пола, вероисповедания и пр. В настоящее время в здании находится РГГУ.

М. И. Москвин-Тарханов

игра, всё что-то такое говорили, шли вперёд. Охранное отделение наблюдало это и считало так, что если динамит не варят, а занимаются тем, что «золото-розовым крестом» тешатся, то уже хорошо. Интеллигент при своём чудном деле, и от него особо бед можно не ждать.

И при этом все с утра до вечера говорили, что всё рухнет! Сколько я ни встречал людей Серебряного века, рождённых в 1880–1905,— а многие все несчастья первых сорока лет советской власти пережили и дожили до вегетарианских «шестидесятых», слава Богу, я был ими и их прямыми потомками окружён в детстве,— всегда говорили, что всё рухнет, страна катится неизвестно куда, разваливается, сыпется, мы люди тёмные, и никогда у нас не будет ни парламента, и ничего демократического, и всеётакое прочее. «Наливай, закусывай,— колбаску нарезали,— парламента не будет, выхода у России нет, ничего хорошего вообще не будет никогда». Всё это радостно, с оптимизмом в голосе!

Но вот что интересно сегодня — у нас есть отрицательное предчувствие катастрофы. Если мы начинаем говорить, что всё плохо, ужасно, и завтра

всё будет плохо,— ничего плохого не будет. Самый опасный был год 1913-й, начало 1914-го, когда вдруг наступила лёгкая эйфория: «Слушайте, господа, мы куда-то всё-таки идём, и мы куда-то выходим, у нас и нефть добывается, и заводы строятся, и старое искусство цветёт, и даже новое искусство появилось! Уже Маяковский с Бурлюком что-то вместе с Пушкиным «сбрасывают с парохода современности», уже стало возможным интересно и стильно жить в Москве, а не в Париже! И вдруг — война, которую не ждал никто.

У меня висит картина того времени, а на ней подпись художника и написано: «август, 1914». Какие-то мужики идут, солнце в луже, дети, речка, лес, какое-то движение воздуха, нежный свет. И тут, здрасьте вам, вот он, конец мирной жизни. Вот конец всему пришёл, и пришла новая линия отсечения. Ушло в прошлое, как называли это в нашем кругу, как говорила моя бабушка, «мирное время». Я спрашивал свою бабушку, мамину маму, из другой половины семьи: «Скажи, пожалуйста, когда вы хорошо жили — перед Первой мировой войной или перед Отечественной?» Она, конечно, говорила, что в «мирное время» (до 1914 года) она жила много лучше, чем в конце 30-х.

Но только в «мирное время» она была дочкой простой московской мещанки. А вот в конце 30-х годов, когда маминого папу, деда Афанасия, слегка покалечив на допросах, всё-таки выпустили с Лубянки и восстановили в должности,— она была дочкой заместителя наркома торговли. Так вот дочь мещанки считала, что жила лучше, когда была просто городской девочкой из среднего класса, чем когда была женой замнаркома. «Потому что в «мирно время» всё было,— она говорила,— в Елисеевском и такое, и такое, и здесь, и там, и везде, и не дорого». Когда она мне рассказывала про эти конфетки-бараночки, у меня слюнки текли. Только теперь всё снова появилось, как было тогда, в «мирное время». И интеллигенция снова не довольна, как положено. Карма, «планида» у неё такая!

Но суть не в этом, а в том, что наше чувство опасности нас обманывает. Что-то мы всегда не понимаем про нашу жизнь. И потому мне кажется, что если мы волнуемся, беспокоимся, то всё обойдётся. Не дай Бог нам сказать «всё хорошо» — сразу что-нибудь случится. Это у меня такое предчувствие, но это не мистика. Просто ещё иезуиты взяли себе за правило считать, что если вам кажется, что вам ничего не угрожает, вы, скорее всего, находитесь в опасности. Опасаемся — значит, голова в норме, и у нас, и, скорее всего, у руководства страны тоже. Значит, не надо бояться, как-нибудь проскочим.

А. Н. Привалов

Спасибо, Михаил Иванович. Очень хорошо, очень радует. Маэстро Бондурянский [проректор Московской консерватории], прошу Вас.

А. З. Бондурянский

Очень интересная дискуссия, касающаяся искусства. Я сейчас подумал, сегодня канун католического Рождества. Да, и протестантского. И если представить себе, чего сто лет назад люди в канун Рождества желали друг другу... (**В ответ на реплику**) Чужого, ну, чужого Рождества, Господи!

К. Д. Лубенченко

Официальная церковь в Греции празднует Рождество 25 декабря.

А. З. Бондурянский

Но дело в том, что вот они желали друг другу счастливого Рождества, и на следующий год, через полгода, началась мировая война. Мир рухнул.

Очень трудно предугадать, что нас ждёт. Также как очень трудно предугадать, что выйдет из произведений искусства через сто лет, через двадцать лет, через десять лет. Если это настоящее искусство, если оно согрето мыслью, чувством, если оно обращено к чему-то, какому-то идеалу,— не важны средства, оно всё равно выживет.

То, что создают современники, почти всегда вызывает какое-то отрицательное отношение у тех, кто живёт рядом. Так было и во времена Моцарта, и во времена Бетховена так было, и с Листом так было, и со Скрябиным. Так было с Прокофьевым, когда Глазунов вышел, хлопнув дверью так, что до сих пор трещина сохранилась в Малом зале Питерской консерватории. А потом оказалось, что это всё искусство. Так было с этой великой троицей Шнитке — Денисов — Губайдулина, которую на дух не принимали. А потом выяснилось, что это искусство. Навешивать ярлыки очень удобно, но не стоит этого делать, потому что очень легко ошибиться.

Другое дело, если это творение бездумно, бездуховно. Если это только эпатаж, как, скажем, в «Травиате» в Большом, где бедную Виолетту поместили в сумасшедший дом,— это катастрофа! Когда идёт «Руслан и Людмила», и это происходит, простите, в борделе,— это катастрофа!

Но это поощряется не только рынком. Рынок, разумеется, проталкивает то, что продаётся. А вот недостаток культуры власть предержащих заставляет их прислушиваться к тому, что говорит рынок, идти на поводу у рынка и указывать: то, что продаётся, то и хорошо, поэтому можно делать всё что угодно.

Вы понимаете, самое страшное, с чем мы сейчас сталкиваемся,— есть узкий круг очень талантливых людей, скажем, в исполнительском и композиторском искусстве, которые очень близко находятся и к рынку, и к власти. И вот они определяют, что хорошо для нас с вами. Они говорят: то, что мы

А. З. Бондурянский

делаем,— это искусство. А всё остальное — гарнир. Но это, как правило, мнение временщиков.

Может быть, мы не успеем вынести окончательный вердикт происходящему и тем или иным явлениям искусства (да и не нужно это), но наши потомки, безусловно, разберутся, что есть что.

Мне понравилась эта картинка с зубом, который светится разным цветом, в зависимости от того, умерла тёща или выиграла команда. А если это происходит в один и тот же день,— каким он цветом светится? Вся наша жизнь состоит из того, что рядом трагедии и радости.

Я желаю всем вам счастья в Новом году!

А. Н. Привалов

Спасибо, Александр Зиновьевич!

Анатолий Григорьевич Вишневский [директор Института демографии НИУ ВШЭ], прошу Вас!

А. Г. Вишневский

У меня возникло несколько вопросов к нашим докладчикам, но поскольку процедура задавания вопросов не была предусмотрена, я превращу эти вопросы в выступление. Тем более что это вопросы и к самому себе.

Я слушал Виктора Мееровича, и когда он рассказывал про опыт Германии, у меня возник такой вопрос (правда, не к нему, просто его выступление навело меня на мысль, что у Германии тоже была история). Как бы мы отнеслись к тому, что германские историки предложили бы назвать период немецкой истории между 1933 и 1945 годами периодом гитлеровского социализма? Почему бы и нет? Нейтрально, объективно, не говорим ни да, ни нет, никого не хвалим и не ругаем и в то же время увековечиваем всё-таки имя человека и самоназвание эпохи — национал-социализм. Был же такой человек и такая эпоха в истории Германии, мы же не можем это отрицать! И у меня нет ответа на этот вопрос. Я его адресую историкам, притом не немецким, потому что они же ничего такого не предлагают.

Второй вопрос такой. Юрий Александрович [Петров], Вы говорили о Великой российской революции. Во-первых, по поводу «российской». Я вспоминаю, в начале 90-х годов у нас было такое министерство Миннац, и чиновницы из этого министерства в приступе безумной толерантности употребляли выражение «российский язык». Но я, с Вашего позволения, буду говорить всё-таки о русской революции. И у меня вот какой вопрос: Ленин, как известно, назвал Толстого «зеркалом русской революции». Что он имел в виду — Октябрьскую революцию, Февральскую революцию, всю революцию семнадцатого года, революцию 1905 года или ещё какую-то революцию, которая как раз в Вашем рассуждении и вообще в обычных рассуждениях не участвует? Что имелось в виду?

А. Н. Привалов

Ну, там-то имелась в виду революция как идея, разумеется, никак исторически не привязанная.

А. Г. Вишневский

Нет, ну всё-таки нельзя сказать, что Толстой был проповедником идеи революции. Нет, извините. А «зеркалом» — был действительно, и с моей точки зрения тоже. И революция была, но она-то как раз, похоже, никого не интересует. У нас слово «революция» вызывает политические вздрагивания — вопрос о власти и т.п. А между тем политическая революция — это только вершина айсберга, для того чтобы она произошла, нужно, чтобы до этого всё общество революционизировалось и стало иным.

Я это размышление скрестил немного со своим личным опытом. Лет сорок назад я написал статью, которая называлась «Демографическая революция», и принёс её в журнал «Вопросы философии». Я был молодым человеком, очень недавним москвичом, робко принёс, «Вопросы философии» были для меня о-го-го! Особых надежд у меня не было. Но, как ни странно, мою статью очень хорошо приняли. Там тогда работал Мамардашвили и ещё некоторые люди, они решили мою статью публиковать, пригласили меня на заседание редколлегии, где обсуждался план очередного номера. Пригласили, думаю, больше для проформы, решение было уже принято, но я этого не знал. Какое-то обсуждение всё же было, и во время обсуждения вдруг возмутился член редколлегии академик Митин, был такой рудимент предыдущей эпохи. Он возмущённо сказал: «Я не понимаю, сколько же у нас революций! Я знаю, есть Октябрьская революция, а оказывается, ещё есть какие-то революции?» К счастью, тогда его вопрос повис в воздухе, его время ушло, и никто его не поддержал.

Но в том-то и дело, что революции могут быть совсем не политическими, и они важнее политических. И отсюда мои вопросы или, если хотите, комментарии к выступлению Евгения Яновича. Я полностью согласен почти во всем с той картиной, которую Вы нарисовали. Но я не совсем понял, как бы это лучше сказать, Вашу тональность. Может быть, этого требует энтузиазм устного выступления, не знаю, но такое впечатление, что кто-то повинен во всей той мерзости, которая нас окружает,— так это звучало. Может быть, Вы так и не думаете. Не хочу Вас в этом обвинять, но я так воспринял: какое-то недовольство кем-то.

Между тем действительно есть масса проблем, кстати сказать, связанных хотя бы с той же демографической революцией. Там не было революционеров, не было и проповедников и т.д. А революция была. Она действительно обрушилась на нашу бедную планету (не на Россию только, Россия всегда хочет видеть себя как-то особенно обиженной) и поставила массу вопросов даже перед Африкой, перед всеми. Конечно, когда африканцев было как кот наплакал, они особенно никого не волновали. А когда там вдруг начался этот страшный демографический рост, который создал невероятные проблемы для самих африканцев. А раз проблемы — значит, недовольство, раз недовольство — значит, конфликты и т.д., и этого невозможно избежать. Что делать?

Это один из двух вопросов, которыми мы так гордимся,— кто виноват? и что делать? Наши, наши вопросы. Правда, мне кажется, если есть ответ на первый вопрос, то второй отпадает. Если ты знаешь, кто виноват, так пусть он за всё и ответит. Это дело мы любим, и мы ищем виноватых. Хотя, между прочим, у Герцена, в той книге, в названии которой прозвучал этот вопрос, насколько я помню, ответ заключается в том, что никто конкретно не виноват. Потому и трудно ответить на вопрос: «Что делать?»

А. Г. Вишневский

Так вот, этих вопросов, которые обрушились на всех нас — и на Америку, и на Россию, и, кстати сказать, на искусство, о котором здесь тоже говорилось,— масса. Одно дело быть Рафаэлем, когда тебя видят несколько десятков, сотен, ну от силы тысяча человек, как-то подготовленных к восприятию Рафаэля. И то среди них, я думаю, было немало людей, не способных отличить Рафаэля от какого-нибудь живописца средней руки. А сотни, тысячи и миллионы современников Рафаэля просто ничего не знали о его существовании и его искусстве.

Сегодня такие люди не присутствуют в арифметике тех, кто удивляется, как с той поры испортились вкусы. Но зато в их арифметике присутствуют обитатели Бирюлево, и они недоумевают, почему у них не такие вкусы, как в Ватикане времён Рафаэля. Сейчас есть телевизор, есть кино, все могут увидеть Рафаэля, но не все его почему-то ценят так, как хотелось бы. Кто виноват? Наверное, телевизор.

Эти вопросы, безусловно, существуют. Коррупция — плохо, политический экстремизм — плохо, и дурной вкус в искусстве — тоже не очень

хорошо. Проблем навалом, и мне тоже хочется возмутиться, как Евгению Яновичу, но мне почему-то кажется, что это не поможет.

Проблемы ждут решений, которые лежат, условно говоря, на совести тех, кто присутствует в этом зале, или таких, как они, тех, кто хоть как-то подготовлен к обсуждению подобных проблем. Но тогда получается, что мы-то и виноваты. И тогда мы переводим стрелку и говорим, нет, они на совести сами понимаете кого — того, кто охотно берёт ответственность за то, за что он отвечать не может!

Вот в этом противоречии мы и пребываем. Мне кажется, что нам не следует делать вид, что мы знаем ответы на все вопросы. И хотя бы между собой мы должны общаться в такой тональности, которая помогала бы обратить наше внимание на неизвестное, на непонятное, на то, что действительно, может быть, надвигается неотвратимо. И эта неотвратимость не кажущаяся.

Я по привычке сворачиваю на демографическую тему, но, думаю, дело не только в моём профессиональном вывихе. Мир, в котором сейчас живёт семь миллиардов человек, а через некоторое время будет десять миллиардов,— такого никогда не было. Население мира растёт с такой пугающей скоростью, какой и близко не знал ни один период мировой истории. И кто застрахован от того, что кому-то взбредёт в голову учинить передел мира? Мы можем, конечно, думать, есть люди, которые так думают, что, в случае чего, спрячемся за ядерным щитом, а всех врагов забросаем атомными бомбами. Но, как говорится, всех не забросаешь, и неизвестно ещё, кто кого забросает, бомбы-то есть не только у нас.

А ведь мир движется к чему-то такому. Для человека, который хотя бы примерно представляет себе схему движения мира, скажем, события 11 сентября 2001 года — совсем не неожиданность. Я думаю, что и для Вас [Е. Сатановскому] это не было неожиданностью, потому что Вы человек трезво мыслящий и склонный, к тому же, к определённому пессимизму во взглядах на историю. Основания для такого пессимизма, безусловно, есть, но я не хочу что-то добавлять к тому апокалипсису, который уже проскальзывал в струе нашего разговора. Хотя и ничего оптимистического я тоже не могу добавить в эту струю.

Проблемы есть. Заседания Никитского клуба — одна из возможных отдушин, где хотя бы можно о них разумно поговорить, но, к сожалению, это очень маленькая площадка для того, чтобы изменить мир.

И тут у меня — тот самый вопрос к самому себе, который так и остаётся вопросом. Но это не вопрос «кто виноват?».

А. Н. Привалов

Спасибо, Анатолий Григорьевич. Очень важный поворот разговора, очень важный и очень правильный. Потому что было бы крайне

наивным, да и вряд ли кто-то из нас хотел представить всё накапливающиеся и, кажется, нависающие беды, как проявление чьей-то злой воли. Разумеется, девяносто девять процентов из них вполне объективны, как было и в 1913 году.

Евгений Янович, Вы обещали одну фразу.

Е. Я. Сатановский

Очень короткая ремарка. Это я просто так говорю. «Настроение бодрое, идём ко дну»,— говорили когда-то подводники, а дальше надо было выплывать. Дело в том, что мы все умрём, это известно. Значит ли, что мы все должны пойти и повеситься немедленно? Нет, но констатация этого факта позволяет вам, по крайней мере, понять, как оставить что-то после себя. Поэтому я, как положено нормальному еврейскому персонажу,— у нас такие типичные пророки,— выбрасываю на стол, что есть. Это «что есть» может не нравиться, и за это меня можно бросить в львиный ров, львы будут довольны и сыты.

А. Н. Привалов

Евгений Янович, это уже мания величия.

Е. Я. Сатановский

Меня — в львиный ров? Во мне 115 кг, и вы можете мною прокормить двух львов на протяжении как минимум трёх дней.

Но вот ещё одна еврейская традиция: всё предопределено, но каждый имеет свободу воли. Поэтому, поняв, что происходит и что никто сверху не спустится и никого не спасёт,— попытаться вытащить хотя бы то, чем каждый занимается. Или не занимается — я вытаскивал, будучи металлургом, не свои отрасли, поверьте. Эта попытка и есть то, в результате чего что-то остаётся, как в своё время ирландские монахи в Европе после падения Римской Империи вытащили, вообще-то говоря, римскую литературу, культуру, латынь и много чего другого.

Вот я констатирую, что мы живём в период распада нашей империи. И это значит, что накопленные знания, умения, цивилизационные моменты, технологии — они, к сожалению, не будут спасены руководством, руководство занимается другим. И задачи всех, кто что-то на эту тему знает и умеет,— вытащить, сохранить, спасти память об этом, передать это кому и чему угодно, в чём нам немало помогает открытость страны миру.

И самая последняя фраза: Инна Соломоновна, рынок был всегда! Я вас уверяю, я хорошо знаю этот рынок: Рафаэля или Малевича купят, а фекалии Бренера, простите,— заставьте ещё какого-нибудь идиота раскошелиться. Поэтому с рынком всё нормально.

А. Н. Привалов

Евгений Янович, Вы затронули очень сложную тему, потому что с фекалиями Бренера и с госденьгами за ними — всё очень сложно.

Е. Я. Сатановский

Нет, я не про госденьги за ними. Но их не купят!

А. Н. Привалов

Очень хорошо.

Кирилл Эмильевич [Разлогов, программа «Культ кино», т/к «Культура»], прошу Вас!

К. Э. Разлогов

Мне очень хорошо после этого выступления. Потому что в прослушанных до этого докладах было очень чётко и ясно, кто, откуда на всё это смотрит.

Первый доклад был взглядом со стороны тех, кто пишет учебник истории и занимается вот этой частью работы. А второй взгляд был, извините, немножко технократическим и математическим, отвлечённым, поэтому очень оптимистическим. Ну, а третий взгляд, конечно, был из Ближнего Востока.

В распределении мнений, оценок и ощущений по поводу того, что будет, я всегда вспоминаю один маленький эпизод из фильма недавно ушедшего из жизни французского документалиста Криса Маркера[18], который утверждал, что он родом из Красноярска, и вообще, очень любил нашу страну. У него есть такая картина «Письмо из Сибири», и в этой картине есть хрестоматийный эпизод: сидит старый человек со слегка подпорченным лицом на каком-то бревне на фоне тайги, и автор даёт три версии этой картинки. В первой версии появляется такой свет (подсвечено как бы химическими средствами) и говорится: «Великие достижения Советского Союза, позволившие сделать счастливыми даже самые отдалённые районы Сибири, дали людям возможность реализовать себя в полной мере!». Второй кусок — в тёмном окружении, свет совершенно другой, сопровождается словами: «В ужасных условиях, в нечеловеческих страданиях, несчастные и изуродованные этим строем люди

[18] Крис Маркер, наст. имя Кристиан-Франсуа Буш-Вильнёв (фр. Christian-François Bouche-Villeneuve, 1921–2012) — французский кинорежиссёр-документалист, фотограф, писатель, мастер и реформатор документального кино, создатель жанра фильма-эссе.

К. Э. Разлогов

пребывают на грани конца света». Ну, а третий вариант был при среднем освещении и такое объективистское описание, что вроде все в порядке — и хорошо и плохо. Обобщая, поэтому, мне хотелось бы объединить разговор об искусстве с разговором о всем остальном — о политике, экономике, истории.

Я расскажу одну историю, произошедшую со мной буквально на днях. Я уже много лет пытался пробить в своей передаче на канале «Культура» картину, которая называется «Любовь — это дьявол», о великом художнике Фрэнсисе Бэконе, его любовнике из уголовного мира, и как этот любовник его убивает. Делал эту картину режиссёр Джон Мэбери.

Роль уголовника, который убивает великого художника, сыграл актёр, который сейчас играет Джеймса Бонда, поэтому он абсолютная звезда [Дэниэл Крейг]. В тот момент, когда делался фильм, в начале 90-х годов, он был просто известным театральным актёром. Но самое смешное потом.

На все мои многократные усилия мне каждый раз говорили, это невозможно, это нельзя, это нельзя показывать по разным причинам. Когда я последний раз пришёл к просвещённому руководству канала «Культура»,

мне сказали, да, у нас отношение к этому немножко изменились. Я говорю, Фрэнсис Бэкон, сейчас его картина была куплена за максимальную цену, все средства массовой информации сделали из этого сенсацию, и теперь даже человек с улицы знает, кто такой Фрэнсис Бэкон, а не только утончённые искусствоведы, понимающие его художественное значение.

Но корень всего оказался в другом: «Надо, конечно, попробовать эту картину показать, пока ещё не забыли про миллионную сумму. Но, вообще бы, лучше её показать во время Олимпиады». (**Смех в зале.**) Я приглашаю всех 14 февраля на картину «Любовь — это дьявол», программа «Культ кино» на телеканале «Культура».

Это к вопросу о том, что можно сделать в любых условиях, если правильно использовать рычаги влияния на художественный процесс.

А. Н. Привалов

Спасибо, Кирилл Эмильевич.

Татьяна Владимировна Черниговская [профессор СПбГУ, член Совета по науке и образованию при Президенте РФ] — прошу Вас!

Т. В. Черниговская

Я первый раз в этом высоком собрании, о чём ужасно сожалею, потому что ещё Сергей Петрович [Капица] меня звал, но как сами мы не местные, а питерские... Да, у меня импрессионистическое выступление.

А. Н. Привалов

То есть в Питере ещё кто-то остался? (**Смех в зале.**)

Т. В. Черниговская

Я отвечу, между прочим.

Я никак не думала, что буду реагировать на то, что говорили про искусство, потому что моя специальность — это когнитивные науки, мозг, язык, сознание и т.д., я человек из науки.

Когда в 20-е годы и даже отчасти раньше физики столкнулись с тем, что им предъявила квантовая механика, а именно — что роль наблюдателя мы не можем вынести за скобки, что как бы есть какая-то «сцена», как я студентам говорю (я университетский профессор). Значит, есть некая сцена, а на ней находится мир. А учёные сидят в зале и на этот мир смотрят, как будто они вообще «не отсюда».

К чему я клоню? Когда Вы сказали [И. Соловьева], что старое искусство умирает, потому что исчезают глаза, которые могут на него смотреть,— это очень серьёзная вещь, я её сейчас прокомментирую вот как.

Юрий Михайлович Лотман, с которым я имела счастье плотно общаться в 80-е годы, когда пошла мода на левое и правое полушарие (которую я ненавижу с тех пор, поскольку это была моя докторская), он говорил следующее. Он говорил, что искусство вовсе не описывает жизнь, а творит жизнь. Эпизоды, которые он приводил в качестве доказательств этого положения, были такие: не было никаких тургеневских барышень, пока их не «написали». Их написали — и тут барышни поняли, что они должны падать в обмороки, а все вокруг должны им нюхательные соли подносить. И второе: не было никаких «лишних людей», и все, кто лежал на диване с кальяном (условно говоря), вдруг поняли, что они — целое поколение, и Рахметовы один за другим пошли спать на гвоздях и т.д.

Я к чему это клоню,— не ради красоты изложения, а к тому, что, если не будет глаз, ушей, мозгов и сердец, которые смотрят на искусство, то его, искусства, и не будет. Поэтому я вспомнила квантовых физиков с их котом Шрёдингера[19], ну и всё, что всем известно.

Опять же Вы напомнили мне Мераба Мамардашвили, который, в частности, писал, что мыслить чётко (он, как известно, любил Декарта и Канта) — это наша нравственная обязанность чуть ли не как биологического вида. И с этим я хочу вспомнить Бродского — у меня всё случайно бывает, у меня книжка упала и открылась в том месте, где было интервью с Бродским. В этом интервью он говорит, что искусство (не цитирую, но говорю близко к тексту) — это наша видовая цель, потому что это другой инструмент познания. Противоположный, кстати говоря, тому, который глубоко любимый мною Мераб Мамардашвили описывал как собственно человеческий.

Искусство — это не десерт, вот какую мысль я хочу сказать. Это не то что мы там стейк съели, а потом можно выпить кофе, а можно пирожное не есть из соображений диеты. Это вообще другая история. И как специалист,— может, это пышно сказано,— в общем, как человек, который занимается когнитивными всякими вещами, я могу сказать, что это наше будущее. Не с точки зрения того, что хорошо быть образованным, а не необразованным, а что это вообще другой путь познания. Это [искусство] вообще другая дорога, это не что-то второстепенное, это вообще другая вещь.

Пару лет назад мне подарили американскую книжку, которая мне мозги прочистила, между прочим. Хотя книжка популярная и называлась она

---

[19] «Кот Шрёдингера» — объект мысленного эксперимента, предложенного австрийским физиком-теоретиком, одним из создателей квантовой механики, Эрвином Шрёдингером (1887–1961), которым он хотел показать неполноту квантовой механики при переходе от субатомных систем к макроскопическим.

Т. В. Черниговская

«Proust Was a Neuroscientist»[20] — «Пруст был нейро-ученым». Понятно, что Пруст не был никаким учёным, но книга о том, что люди искусства открывают вещи, которые наука откроет через десятки лет. Каким уж они это нюхом вынюхивают, совершенно понять нельзя, но это точно так. Потом уходят страшные силы и жуткие деньги научного сообщества на то, чтобы докопаться, скажем, до процесса зрительного восприятия, которое импрессионисты поймали так просто.

И напоследок — я точно не буду в копилку сегодняшних апокалиптических сюжетов добавлять свои (я вас уверяю, у меня их огромные мешки). Но хочу сказать вот что. Сегодня в промежутке между двумя московскими делами я поехала на выставку Н. Гончаровой. Я считала, что знаю её, но обнаружила, что я ошибалась, но сейчас не об этом. Выходя, я прошла мимо группы детей лет семи-восьми. Их было шесть-семь человек, и очень умная дама, я не знаю, экскурсовод она или кто,

[20] Jonah Lehrer. Proust Was a Neuroscientist. Houghton Mifflin Harcourt, 2007.

в тот момент им сказала: «Гончарова придумала, что добавление чёрного цвета добавляет вес». И маленькая девочка с косичкой говорит: «Да-да-да, это точно!».

Ну, думаю, всё не так страшно. Я-то считала, что, вообще-то, конец уже тут, это не то что мы к нему идём, он тут, мы просто ещё его не заметили. Но пока есть дети, то есть пока есть такие замечательные женщины, которые им это рассказывают, и есть дети, которые в состоянии этими щупальцами — они у них ещё не отмерли — так понимать! В общем, ещё ничего. Спасибо!

А. Н. Привалов

Огромное спасибо, Татьяна Владимировна!

Бронислав Брониславович Виногродский, прошу Вас.

Б. Б. Виногродский

Я китаевед, и хочу сказать несколько слов с этой точки зрения. Я этого дня ожидал достаточно долго, шесть лет совершенно точно. Как мне ни приятно здесь выступать, связан этот день не с выступлением в клубе, а с тем, что сегодня начинается конец очень большой эпохи, именно сегодня по китайскому традиционному календарю.

Китайцы были одержимы календарём, это сохранилось и до настоящего времени. Календарь они рассматривали как технологию описания когнитивных процессов, познания. Китайская традиционная медицина полностью строится на календаре и китайская наука об обществе строится точно так же, как медицина, ибо в китайском языке глагол «лечить» и глагол «управлять» обозначается одним и тем же иероглифом. В одном случае лечить болезнь, а в другом случае — лечить государство, управлять государством. И то и другое означает «наводить порядок». И правильная диагностика — это всегда диагностика процессов во времени.

В больших исторических процессах минимальная единица — тридцать лет. Сегодня начинается последнее тридцатилетие шестидесятилетнего цикла, завершающее 1080-летний цикл, начавшийся в 964 году. Сегодня начинается цикл, близкий к солнцестоянию.

Я очень внимательно отнёсся и ко вчерашнему дню. Вчера в фейсбуке я выложил у себя на страничке слова о том, что заканчивается большой цикл, а сегодня — что начался первый день цикла. В обоих случаях была самая большая реакция на все мои посты по количеству перепостов, обсуждений, лайков и т.д.

Я хочу сказать, что время в конце концов действительно предъявляет требования.

Б. Б. Виногродский

С одной стороны, всё повторяется. Тем не менее не всё повторяется, происходит что-то новое. Так же, как и в человеческом теле,— китайская традиционная медицина служила моделью для исследования государства: рассматривалось тело государства, сознание государства и проводилось диагностирование.

С этой точки зрения мне кажется, что сегодня хорошее время для постановки диагнозов. Поясню, первая половина шестидесятилетнего цикла началась в 1984 году. Если вспомнить — это примерно начало всех реформ. В этом году умер Юрий Владимирович Андропов, то есть некое движение для страны, с моей точки зрения, было.

Вторая половина цикла (второе тридцатилетие 60-летнего цикла) — обычно гуманитарная, она связана с построением каких-то гуманитарных осмыслений.

Гуманитарная наука для меня — это наука о сознании и смыслах. Я думаю, что наступает очень хорошее время для начинания такой работы — по-настоящему разобраться в том, куда деваются и откуда появляются смыслы.

А.Н. Привалов

Спасибо. Вы абсолютно правы. Собственно, даже сегодняшнее наше довольно сумбурное обсуждение показывает, что сейчас самое время разбираться, откуда и какие смыслы берутся.

Олег Владимирович [Пилипец, советник президента «Транснефть»], Вы просили тридцать секунд. Прошу Вас.

О.В. Пилипец

Как представитель реальной экономики я хотел бы выразить свой оптимизм в отношении наступающих лет в связи с тем, что в этом году под давлением российской общественности мы демонтировали чемодан [рекламная конструкция Louis Vuitton] на Красной площади. (**Смех в зале.**)

А.Н. Привалов

Двести лет назад Наполеона развернули, а теперь чемодан. Да, это здорово.

И последний записавшийся выступающий — профессор Тамбовцев. Виталий Леонидович, прошу Вас.

В.Л. Тамбовцев

Спасибо. Уважаемые коллеги! Очень кратко три мало связанных сюжета. Сюжет первый: если я не ошибаюсь, в конце эпохи Среднего царства Древнего Египта появился текст, известный под названием «Горестные речения»[21]. Ну, они просто вот один к одному — начало нашего сегодняшнего заседания. Второй сюжет — о реальности. Я не буду цитировать, нет под рукой...

А.Н. Привалов

Где оно, Среднее царство? Где оно теперь?

В.Л. Тамбовцев

Ну, как? Естественно, из него вышли мы все в широком смысле. Мы, конечно, можем считать, что мы хуже живём, чувствуем, знаем и т.д., чем в период Среднего царства в Древнем Египте, но мне кажется, это не совсем так. Поэтому повод для оптимизма есть: есть прогресс и т.д.

Итак, второй, не связанный с первым сюжет, касающийся действий политиков и всякого рода несчастий для людей. Я, конечно,

---

[21] «Речения Ипусера» (прежнее чтение — Ипувера), относимые к концу эпохи Среднего царства (начало XVIII в. до н.э.). Записаны на папирусе, найденном в некрополе Саккара, который хранится в музее г. Лейдена, Нидерланды. — *В.Т.*

В. Л. Тамбовцев

не политолог — к счастью,— но так как наблюдаю, что происходит вокруг, то пришёл к мысли, которая — для меня, по крайней мере,— многое делает более понятным.

Когда начинаются беды для людей? В двух случаях: если политики без всяких прикрытий начинают просто воровать, грабить, убивать и т.п., как в случае жёсткой диктатуры. Но примерно такие же беды для людей начинаются, когда политики не только заявляют о «высших ценностях», которые они собираются реализовать, но ещё и пытаются это реализовать. Смотрите, вот сегодня звучала тема исламских революций и всего прочего. Это же типичная реализация «высших ценностей», сверхценных идей! И каково при этом людям? Когда президент Буш полез в Ирак, он что делал? Он реализовал «высшие ценности», другие, конечно, но результат для людей тот же.

Так вот, в политике, наверное, всё будет хорошо, если не будет ни диктатур, ни реализации «высших ценностей». Самое же ужасное, это когда диктатура сочетается с пропагандой «высших ценностей», поиском национальной идеи и всем прочим. Вот тут наступает полный конец.

И третий маленький сюжет, совсем маленький. Я хочу продолжить тему искусства в нашей жизни и обратить внимание всех присутствующих на то, что в московских музеях по выходным народу — не протолкнуться.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виталий Леонидович. По Вашем второму сюжету у Вас был, может быть, неожиданный для Вас предшественник — бравый пехотинец Йозеф Швейк, который прямо говорил, что если бы люди заботились о благе друг друга, они бы ещё быстрее передрались, что, собственно, и происходит.

Теперь в заключение ответное слово докладчикам.

Юрий Александрович [Петров], хотите сказать слово? Два? Прошу Вас.

Ю. А. Петров

Скажу громко: «Я оптимист».

А. Н. Привалов

Браво! Виктор Меерович, прошу.

В. М. Полтерович

Вы знаете, я не могу про себя сказать, что я оптимист, но в ситуации, когда подавляющее большинство склонно к пессимизму, я предпочитаю быть на стороне оптимистов.

Хочу подчеркнуть центральную мысль моего выступления. За прошедшие сто лет появились совершенно новые, никогда ранее не существовавшие системы институтов — и в рамках ООН, и в ЕС,— которые пытаются координировать взаимоотношения между странами. И не просто координировать, но и перераспределять блага от богатых стран к бедным на некоторой регулярной основе, а это действительно новый феномен. Этого никогда раньше не было, и это даёт некоторую надежду на формирование более стабильного и эффективного миропорядка.

Отвечу на конкретный вопрос, который был мне задан: не назвать ли период с 1933 по 1945годы периодом гитлеровского социализма? Известно, что фашизм называли ещё и национал-социализмом. Я бы не стал вообще играть в эти слова. Разумеется, я не приемлю фашизм. Кроме того, я ещё при советской власти не любил советский вариант социализма. Но дело ведь не в этом. Для меня было важно проанализировать инструменты успеха. Из того, что какой-то инструмент использует преступник, не следует, что сам инструмент обязательно плох. Анализ инструментов, которыми добивались успехов,— он очень важен и может быть полезен и для нас.

А. Г. Вишневский

Виктор Меерович, простите, есть такая поговорка: «Говорят дочери, а думают — невестке». Этот вопрос, собственно говоря, адресовался не Вам.

В. М. Полтерович

Ну, хорошо. Теперь, вот что бы я хотел сказать о нынешнем дне. Я специально в своём выступлении почти не касался нынешней ситуации в России, потому что здесь возникает множество сложных вопросов, требующих развёрнутого анализа. Но опять-таки, выступая в роли оптимиста, я хочу сказать, что мы живём в эпоху быстроразвивающегося гражданского общества. У нас интенсифицируется добровольческая и благотворительная активность, создаются и вовлекаются в процесс управления бизнес-ассоциации, увеличивается число общественных палат и неформальных объединений. Люди больше доверяют друг другу и в большей мере чувствуют свою приверженность к общественным событиям. Вот это даёт надежду.

Ну и разве могло лет тридцать назад существовать такое объединение, как «Никитский клуб», в котором можно говорить почти всё, что угодно!

А. Н. Привалов

Да, Виктор Меерович, всё можно говорить, всё.

В. М. Полтерович

Ну, спасибо, в следующий раз скажу все. Спасибо большое за внимание. На самом деле картина, мне кажется, в общем, получилась более или менее сбалансированная, и это тоже даёт надежду.

А. Н. Привалов

Спасибо. Евгений Янович — прошу.

Е. Я. Сатановский

Значит, чтобы было понятно: это у меня был оптимизм.

А. Н. Привалов

Инна Соломоновна, Вам несколько слов, если хотите.

И. С. Соловьева

Спасибо большое. Правильно ли я была понята или неправильно — я, тем не менее, рада, что мои слова нашли такое широкое и живое обсуждение. Более того, у меня нет расхождения с тем, что прозвучало сегодня об искусстве в других выступлениях.

Но я хочу сказать о другом. Хочу сказать, что если вы ещё когда-нибудь позовёте, я с удовольствием приду, потому что такого уровня людей и дискуссий не часто приходится видеть. Спасибо вам большое за сегодняшнее заседание!

А. Н. Привалов

И Вам спасибо большое!

Я понимаю, думаю, что и все собравшиеся понимают, что подводить какие бы то ни было итоги прошедшей дискуссии абсолютно нереально. Но я всё-таки настаиваю на необходимости сказать несколько заключительных слов.

Значит, один повод для оптимизма, ещё один повод для оптимизма, я бы хотел дать лично Михаилу Ивановичу [Москвину-Тарханову]. Вот с тех пор, как была в ряду московских учреждений, которые Вы так мило перечислили, Московская биржа,— мог ли кто подумать, что Биржа даст почву для таких рассуждений, как сегодня здесь у нас! Значит, оптимизм какой-то имеется.

Какого-то повода для оптимизма, наоборот, мы теперь не досчитываемся. Наш покойный президент, Сергей Петрович Капица, имел любимую мечту, что вот этот быстрый рост населения Земли успеет выйти в стационар до больших бед. Сегодня, я так понял, всеми, кто эту сторону вопроса затрагивал, почти консенсусно было сказано, что эта мечта скорее всего не сбудется, хотя впрочем, она остаётся возможной. Мечтать можно практически до последнего, до Судного дня.

И совсем уж напоследок просто небольшое соображение вот какого рода. Нам в любом случае повезло. Добрые китайцы, о которых сегодня говорил один из выступающих, не без основания полагают, что довольно тяжёлая судьба выпадает всякому, кто живёт в эпоху перемен. Сегодняшнее обсуждение, хотя бы только оно, если бы даже ничего другого не было, показывает, что в этом смысле китайцы нас всех должны бы пожалеть.

Но мне приятно напомнить собравшимся, что наша традиция велит смотреть на дело прямо обратным образом: « *Счастлив, кто посетил сей мир/ В его минуты роковые!/Его призвали всеблагие/ Как собеседника на пир,/ Он их высоких зрелищ зритель,/ Он в их совет допущен был —/ И заживо, как небожитель,/ Из чаши их бессмертье пил!*

(Аплодисменты)

Это я к чему — это я не к тому, что Федор Иванович [Тютчев] великий поэт. Я к тому, что давайте выпьем. С наступающим 2014 годом!

Спасибо!

Заседания и одноименные выпуски Никитского клуба в 2013 г.

13.02. **«Финишная прямая реформы образования».**
Обсуждение ФЗП «Об образовании в Российской Федерации».
Заседание в честь 85-летия С. П. Капицы, основателя и президента Никитского клуба.

12.03. **«Деньги, банки, экономика».**
Обсуждение доклада Александра Ивантера,
заместителя главного редактора журнала «Эксперт».

16.05. **«Биржи мира. История, культура, финансы».**
Презентация книги, выпущенной на Московской Бирже.

24.06. Встреча в Московской консерватории.
По приглашению А. С. Соколова, ректора консерватории.

05.09. **«Академия и власть: предварительные итоги лета–2013».**
Обсуждение ФЗП «О Российской академии наук…»

14.11. **«„Большая Москва“ два года спустя».**
Обзор проектов девяти команд проектных консорциумов открытого международного градостроительного конкурса «О концепции развития Московской агломерации» (2012 г.).
Выступления-презентации проектов руководителей команд Архитектурного Бюро «Остоженка» (Александр Скокан), АДМ А. Чернихова (Андрей Чернихов).

24.12. **«Канун 14-го».** *Предновогоднее заседание.*

Никитский клуб — клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ учреждён в июне 2000 года по инициативе учёных и предпринимателей, стремящихся объединить интеллектуальные силы России как активный ресурс развития страны.

ЗАДАЧА НИКИТСКОГО КЛУБА — создать междисциплинарный форум авторитетных представителей профессионального сообщества с широким гражданским взглядом на важнейшие проблемы России, помочь обществу осознать интересы страны и вытекающей из этих интересов политики в различных сферах деятельности.

Никитский клуб проводит цикл публичных дискуссий под общим названием «Россия в глобальном контексте». Стенограммы «круглых столов» цикла размещаются на web-сайте: www.nikitskyclub.ru, а также публикуются в выпусках Никитского клуба и распространяются по списку рассылки в правительственные, общественно-политические учреждения, предпринимательские организации, СМИ, библиотеки, др.

Название «Никитский» связано, с одной стороны, с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, ныне Московской Биржи, при поддержке которой был создан и продолжает работу Клуб, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Захарьиным-Юрьевым. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России. В этой части исторического центра столицы находятся культурные и образовательные учреждения с историческим прошлым.

Основатель и президент Никитского клуба (2000–2012)
С. П. Капица (1928–2012)

Вице-президенты:

Олег Вьюгин,
председатель Совета директоров ОАО «МДМ-Банк»

Александр Привалов,
генеральный директор, научный редактор журнала «Эксперт»

Наталия Румянцева,
исполнительный директор Никитского клуба

Т: (495) 705–96–73 **Ф:** (495) 234–48–40 **E:** nikitskyclub@moex.com

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий
«Канун 14-го». Выпуск 65 — М., 2014. — 70 с.

В приглашении на предновогоднее заседание Никитского клуба по случаю «Кануна 14-го» было следующее пояснение выбора темы: «Без символики, отмечая текущую дату текущего века, — с данью событиям столетней давности, определившим порядок мироустройства на много лет вперёд».
«О чём мы сегодня хотели, собирались говорить? — начал заседание Александр Привалов. — А Бог его знает! Сам по себе факт, что завершился год, являвшийся юбилейным последнему мирному году прошлого миропорядка, нам показался достаточным для того, чтобы об этом поговорить».
Участникам заседания было предложено представить некий дайджест 1913–2013 гг. Отметить, с точек зрения выступающих, основные вехи, события истекшего столетия, черты сложившегося и ощущение предстоящего мироустройства в преддверии наступающего нового, 2014-го, года.

ББК 63.3(2)534;
63.3(2)64

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 65
«Канун 14-го»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева
Фото – Московская Биржа
Вёрстка М. Ю. Иванюшин
Подписано в печать 10.02.2014.
Заказ 12338. Тираж 300.

© Московская Биржа, 2014
© Никитский клуб, 2014